

**ИСТОРИЯ
БОЛЕЗНИ
ДВОРКИНА**

ДНЕВНИК ПСИХИАТРА

ТОДД ГРЕЙСОН

**История болезни Дворкина.
Дневник психиатра**

Тодд Грейсон

Настоящее издание является художественным произведением. Все имена, персонажи, события, организации, компании и иные элементы повествования являются результатом художественного вымысла либо авторской интерпретации. Любое сходство с реальными лицами, действующими или прекратившими деятельность организациями, компаниями, а также с реальными событиями и обстоятельствами носит исключительно случайный и непреднамеренный характер.

Оглавление

Введение

Глава 1. Симптом диссидента

Глава 2. Бегство в «Здоровье»

Глава 3. Тень Грозного

Глава 4. Импорт страха

Глава 5. Лингвистический вирус

Глава 6. Психиатрия наизнанку

Глава 7. Сутяжник в мантии

Глава 8. Зеркало Сербского

Глава 9. Государственный инквизитор

Глава 10. Дегуманизация: «Homo Jehovisticum»

Глава 11. Метастазы «Дворкиницы»

Заключение

Введение

Москва, ноябрь 2025 года.

За окном серый, колючий снег засыпает город, который я когда-то любил, но который теперь едва узнаю. Я сижу перед камином, но греет меня не огонь, а гнев. Холодный, профессиональный гнев врача, совершившего фатальную ошибку.

На коленях у меня лежит папка. Картон пожелтел, завязки истрепались. На обложке выцветшими чернилами выведено: «А.Л.Д. 1977».

Я не открывал её почти пятьдесят лет. Тогда, в середине семидесятых, это был рядовой случай. Молодой человек с всклокоченными волосами, исключенный из института, изображающий из себя жертву режима, но на деле — классический пример юношеской грандиозности, отягощенной истероидной акцентуацией. Я тогда отмахнулся. Подумаешь, очередной непризнанный гений, обиженный на мир за то, что тот не пал к его ногам. Я не стал его лечить. Я позволил ему уехать.

Какая чудовищная, преступная халатность.

Сегодня, глядя на новостные ленты, на судебные процессы, где людей лишают свободы за «неправильную» молитву, на атмосферу тотальной подозрительности, пропитавшую общество, я понимаю: мы живем в бреде моего пациента.

Эта книга — не биография в привычном смысле. Это попытка понять суть зла, которое не пришло к нам извне, а выросло здесь, в наших собственных страхах и комплексах, найдя идеального носителя. Александр Дворкин не был создателем системы, но он стал её идеальным симптомом. Его личные демоны — страх преследования, жажда абсолютного контроля, деление мира на «своих» и «врагов» — удивительным образом резонировали с травмой постсоветского общества.

Я пишу эти строки не для того, чтобы обвинить старика, который сейчас, вероятно, так же одинок, как и я. Я пишу это как предупреждение. Мы привыкли

думать, что история творится великими идеями. Но иногда история — это просто проекция невылеченной психической травмы одного маленького человека, получившего в руки мегафон.

В этой папке — ключи к пониманию того, как маргинальная теория о «тоталитарных сектах» превратилась в государственную дубину. Как псевдонаука вытеснила академическое знание. Как личная паранойя стала национальной идеей безопасности.

Я, Доктор Н., открываю дело «Александра Леонидовича Дворкина». Пришло время поставить окончательный диагноз.

Глава 1. Симптом диссидента

В психиатрии существует золотое правило: анамнез — это судьба. Чтобы понять, почему здание рухнуло, нужно изучать не трещины на фасаде, а дефекты фундамента, заложенного десятилетия назад.

Я открываю первую страницу досье. 1977 год. Москва. Эпоха застоя. В мой кабинет в Психоневрологическом диспансере входит молодой человек. Ему двадцать с небольшим. Взгляд исподлобья, демонстративно небрежная одежда, длинные волосы — вызов серости советских улиц. Он считает себя бунтарем. Окружающие видят в нем диссидента. Я же, делая пометки в карте, вижу нечто иное: классический дебют нарциссической патологии, замаскированной под политический протест.

В этой главе мы должны ответить на фундаментальный вопрос: был ли Александр Дворкин жертвой тоталитарной системы, как он позже будет утверждать в своих мемуарах, или же его конфликт с обществом имел сугубо клиническую природу? Анализ первичной медицинской документации и свидетельств того времени позволяет выдвинуть тезис: поведение субъекта А.Л.Д. в середине 70-х годов диктовалось не идеологическими убеждениями, а

«юношеской грандиозностью» на фоне развивающегося психофизического инфантилизма.

Личность «Героя»: миф о жертве

Для начала отделим факты от мифологии, которую пациент тщательно выстраивал вокруг своей персоны на протяжении полувека. Согласно легенде, распространяемой самим Дворкиным и его апологетами, его отчисление из Московского государственного педагогического института им. Ленина (МГПИ) было актом политической расправы за инакомыслие.

Однако документы рисуют иную картину. Приказ об отчислении 1975 года базируется на двух столпах: академическая неуспеваемость и нарушение дисциплины. Здесь мы сталкиваемся с первым симптомом, который красной нитью пройдет через всю жизнь пациента: неспособность принять социальные нормы и правила игры.

Для здоровой личности конфликт с системой — это осознанный выбор, сопряженный с принятием ответственности. Для личности с нарциссическим расстройством любые внешние рамки воспринимаются как личное оскорбление, как попытка унизить его «грандиозное Я». Дворкин не учился не потому, что идеология мешала ему постигать предмет, а потому, что рутинный труд и необходимость подчиняться требованиям преподавателей были для него невыносимы.

В клинической картине это явление описывается как ригидность мышления. Мир делится на черно-белые тона: есть «Я» (гениальный, непонятый) и есть «Они» (серая масса, душители свободы). Отказ от компромиссов, который его окружение в среде хиппи принимало за принципиальность, на деле был проявлением психологической незрелости. Он не мог договариваться — он мог только требовать восхищения или уходить в глухую оборону.

«Сверхценная идея прически»: клинический разбор

Обратимся к сухим строкам медицинской карты из ПНД, где пациент наблюдался с 1973 по 1977 год. Эти записи, лишенные литературных прикрас, являются безжалостным зеркалом реальности.

Из медицинской карты: «Сверхценное отношение к прическе... обещал постричься, но только через несколько дней — морально подготовиться... после бритья появилось ощущение, что течет кровь...»

Остановимся на этом моменте. Волосы для юного Дворкина — это не просто стиль. В психиатрии фиксация на внешних атрибутах часто указывает на дисморфофобические переживания или символическую нагрузку. Фраза о том, что после стрижки «течет кровь», свидетельствует о нарушении границ схемы тела. Для него стрижка волос была равносильна физической кастрации, уничтожению его личности.

Это характерный признак психофизического инфантилизма. Взрослый человек понимает, что его личность не содержится в длине волос. Инфантильная личность, напротив, цепляется за внешние символы своей «инаковости», так как внутреннее ядро еще не сформировано.

В среде московских хиппи 70-х он нашел идеальную сцену. Хиппи проповедовали любовь и свободу, но А.Л.Д. искал там другое — нарциссический ресурс. Ему нужно было зеркало, которое отражало бы его исключительность. Свидетельства современников говорят о его эпатажном поведении, демонстративности. Он не сливался с тусовкой, он всегда старался быть «над» ней, позиционируя себя как интеллектуала, страдающего в окружении плебеев.

Из выписки ПБ от 25.04.1974: «В начальных классах был хвастливым, любил пофантазировать... в институте нравилось быть в центре внимания сверстников... ему стыдно, что у него короткая прическа, кажется, что все окружающие обращают на него внимание».

Обратите внимание на противоречие: он жаждет внимания («нравилось быть в центре»), но при этом испытывает параноидальный страх перед ним («кажется, что все обращают внимание»). Это классическая амбивалентность нарцисса: «Смотрите на меня, но не смейте меня оценивать».

Семейный анамнез: «ненависть к родителям»

Ни одна патология не возникает в вакууме. Корни агрессии, которую Дворкин позже обрушит на «сектантов», лежат в его отношениях с первичными объектами привязанности — родителями.

Запись в карте фиксирует: «Появилось чувство ненависти к родителям, ушел из дома, дома конфликты...». Уход из дома в 19 лет — нормальный этап сепарации. Но уход, сопровождаемый «чувством ненависти» и патологическими реакциями (вплоть до суицидальных мыслей, упомянутых в анамнезе: «летом пытался покончить с жизнью»), указывает на глубокую травму.

Здесь мы видим зарождение механизма проекции. Неспособный справиться с внутренней болью и ощущением собственной несостоятельности (отчисление, социальная дезадаптация), пациент назначает виновных вовне. В 1973 году «плохими объектами» были родители. Позже их место займут «сектанты», «агенты Госдепа», «враги православия». Сценарий один и тот же: чтобы сохранить хрупкое Эго, нужно найти врага и уничтожить его — хотя бы символически.

В психоанализе это называется расщеплением. Пациент не может интегрировать хорошие и плохие качества в одном объекте. Родитель либо идеален, либо демон. Позже этот механизм станет основой его «сектоведения»: мир будет поделен на «традиционные религии» (абсолютное добро) и «тоталитарные секты» (абсолютное зло), без полутонов.

Диагноз как приговор: циклотимия

Врачи ПНД диагностировали у А.Л.Д. циклотимию — расстройство настроения, характеризующееся чередованием периодов легкой депрессии и гипомании (повышенного настроения и активности).

Клиническая справка: Циклотимия — это «младшая сестра» биполярного аффективного расстройства. В фазе подъема пациент энергичен, говорлив, полон идей (часто бредовых или сверхценных), у него снижена потребность во сне и критичность к своим действиям. В фазе спада наступает апатия, вялость, потеря интереса к жизни.

Этот диагноз — ключ к пониманию ритма деятельности Дворкина. Его биография — это не плавное восхождение ученого, а серия маниакальных рывков. В 70-е годы фаза подъема выражалась в «борьбе с системой» через внешний вид и эпатаж. Фаза спада фиксировалась врачами как «апатия, растерял друзей, пропал интерес к учебе».

Опасность циклотимии при наличии патологического развития личности заключается в том, что в гипоманиакальной фазе субъект обладает огромной силой убеждения. Он сам верит в свои фантазии. Для окружающих эта одержимость может выглядеть как харизма пророка или страсть борца за правду. Но врач видит за этим лишь биохимический шторм в нейромедиаторах мозга. Священнослужители видят в этом бесоодержимость. И все по-своему правы.

В 1977 году я наблюдал, как этот молодой человек превращает свою болезнь в знамя. Он не лечился — он упивался своим состоянием. Ощущение «избранности», свойственное маниакальным фазам, компенсировало ему реальные неудачи в учебе и социализации. Он создал защитный кокон: «Меня не понимают, потому что я выше их».

Социальная мимикрия

К концу 70-х годов стало очевидно: в Советском Союзе А.Л.Д. не найдет того признания, которого жаждало его нарциссическое Эго. Роль «городского сумасшедшего» или мелкого хулигана была слишком мелка для его амбиций. Ему нужна была другая сцена.

Исключение из института и внимание психиатров (а не КГБ, как ему хотелось бы думать) создали невыносимый диссонанс. Реальность упорно отказывалась признавать его гениальность. В таких случаях у нарцисса есть два пути: либо коллапс (депрессия, суицид), либо бегство в фантазию, где он — герой.

Эмиграция стала для него спасательным кругом. Но не потому, что он стремился к свободе. Свобода для человека с такой структурой личности — это ужас, это пустота, которую нечем заполнить. Он стремился найти Идеального

Родителя — Запад, который, как он фантазировал, оценит его по достоинству, погладит по голове и скажет: «Ты хороший, это они были плохие».

Резюме диагноста

Подводя итог анализу раннего периода (1973–1977), мы можем констатировать следующее:

- Подмена понятий: Политическая позиция «диссидента» была вторичной рационализацией социальной дезадаптации и академической неуспеваемости.
- Ядро личности: Нарциссическая уязвимость, компенсируемая грандиозными фантазиями о собственной исключительности.
- Механизм защиты: Проекция агрессии вовне (родители, институт, государство) и уход в болезнь как способ избежать ответственности.
- Клинический фон: Циклотимические колебания настроения, создающие иллюзию бурной деятельности, сменяющуюся апатией.

Мы видим портрет не борца, а глубоко несчастного, инфантильного человека, который использует конфликт как топливо для самооценки. Он не хотел изменить мир к лучшему. Он хотел, чтобы мир вращался вокруг его боли.

Тогда, в 1977-м, я закрыл его карту с чувством легкого раздражения. Очередной непризнанный гений, подумал я. Пусть едет. Там, на Западе, прагматичное общество быстро поставит его на место, заставит работать или лечиться.

Как же я ошибался. Я не учел одного: патология обладает удивительной способностью мимикрировать. Вирус, который я наблюдал в пробирке своего кабинета, не погиб. Он просто искал более питательную среду.

И вопрос, который не дает мне покоя сегодня, глядя на пожелтевшие страницы с диагнозом «психофизический инфантилизм»: если бы мы тогда принудительно вылечили этого юношу, спасли бы мы тысячи судеб, которые он сломает десятки лет спустя, или же общество все равно нашло бы другого носителя для своей ненависти?

Глава 2. Бегство в «Здоровье»

В психоанализе существует термин «бегство в здоровье». Это защитный механизм, когда пациент внезапно заявляет о полном исцелении, лишь бы прекратить болезненную терапию и не встречаться лицом к лицу со своими демонами. В случае с Александром Дворкиным мы наблюдаем географическую вариацию этого феномена. Его эмиграция в 1977 году не была только поиском политической свободы или гражданских прав. Это была попытка сменить декорации, надеясь, что в новых стенах его распадающееся «Я» чудесным образом обретет целостность.

Я перелистываю страницы досье, датированные концом семидесятых. Бумага здесь другая — появляются копии писем на тонкой «авиапочте», вырезки из эмигрантских газет. Почерк пациента меняется: исчезает дерганая, угловатая манера письма, свойственная периоду его московского «бунта». Буквы становятся округлыми, старательными, почти каллиграфическими. Он больше не пишет, как изгой. Он пишет, как прилежный ученик, нашедший, наконец, строгую школу.

Тезис, который я намерен доказать, может показаться парадоксальным для биографов, привыкших видеть в Дворкине «жертву советского режима». Мой анализ показывает: эмиграция была для него не актом освобождения, а поиском нового, более могущественного Хозяина. Не сумев получить признание от «Плохого Отца» (СССР), он отправился за океан в поисках «Идеального Отца» (Запада и Церкви), чтобы предложить ему свое полное, безграничное подчинение.

Механика изгнания: нарциссический триумф

В 1977 году Александр Дворкин эмигрирует из СССР и, как это обычно происходило при выезде на ПМЖ, автоматически утрачивает советское

гражданство. Для обычного человека это трагедия, разрыв корней, крах идентичности. Для личности с нарциссической структурой — это высшая награда.

Вспомним его состояние накануне отъезда. Исключенный студент, маргинал, чья «гениальность» игнорируется обществом. И вдруг — удар со стороны государства. Система, которую он так жаждал впечатлеть (пусть и через негатив), наконец-то заметила его. Утрата гражданства стала для него официальным сертификатом его значимости. «Империя боится меня», — вот внутренняя транскрипция этого события в психике пациента.

Это классическая инверсия: реальное социальное фиаско (неспособность адаптироваться) превращается в грандиозный миф о гонениях. Он уезжал не как беженец, а как победитель, уносящий на подошвах прах отвергнувшей его страны. Однако эйфория «побега» длится недолго. Нарцисс жив, пока есть зритель. В дороге из СССР на Запад, зрителей не было. Была лишь пугающая пустота свободы, которую он совершенно не умел использовать.

Адаптационный шок: крах иллюзий

Америка конца 70-х встретила «героя сопротивления» равнодушно. Это стало первым и самым болезненным ударом по его самолюбию на новой земле. Западный мир, который в его фантазиях должен был встретить его с оркестром как мученика совести, оказался прагматичным и занятым собой.

В моих записях есть примечательный документ — транскрипция беседы с одним из представителей эмигрантской волны того времени, знавшим Дворкина в Нью-Йорке (назовем его «Источник Б.»).

Из материалов опроса (1998 г., ретроспективный анализ): «Саша приехал с ожиданием, что ему сразу дадут кафедру или хотя бы трибуну. Он был в шоке, что здесь нужно работать, мыть посуду или таксовать. Его диссидентство здесь никого не впечатляло — тут каждый второй был “жертвой режима”. Я помню его растерянность. Он не понимал правил игры. В Москве он был “против”, и это давало ему форму. А здесь нужно было быть “за” что-то, а своего содержания у него не было».

Психиатрический комментарий здесь однозначен: пациент столкнулся с диффузией идентичности. Его личность была построена на отрицании («Я не советский»). Попав в среду, где советского давления не было, он потерял опору. Он стал никем. Для нарцисса ощущение «быть никем» равносильно смерти. Ему срочно требовалась новая оболочка, новый костюм, который можно было бы надеть, чтобы скрыть внутреннюю пустоту.

Феномен мимикрии: от хиппи к консерватору

Именно здесь происходит самая удивительная метаморфоза, которую многие исследователи упускают из виду. В Москве Дворкин был хиппи. Длинные волосы, клеш, психоделическая эстетика, разговоры о любви и свободе. Казалось бы, Америка 70-х — рай для такой культуры. Вливайся в Вудсток, живи в коммуне, наслаждайся той самой свободой.

Но что делает наш пациент? Спустя несколько лет он совершает разворот на 180 градусов.

Он сначала учится в Нью-Йорке, а затем, после принятия православия, поступает в Свято-Владимирскую духовную семинарию в Крестовде, штат Нью-Йорк. Вчерашний бунтарь, презиравший любые нормы, добровольно помещает себя в одну из самых консервативных, иерархичных и регламентированных структур. Он надевает строгий костюм или подрясник и начинает говорить языком догматов.

Почему? Ответ кроется в механизме социальной мимикрии.

Хиппи в Америке к концу 70-х — это уже не авангард, это маргиналы, «лузеры». Быть хиппи в Нью-Йорке — значит быть на дне социальной лестницы. А Дворкин хочет быть наверху. Он быстро сканирует реальность: где здесь власть? Где здесь статус? Где здесь «Идеальный Родитель», который защитит и возвысит?

Он находит этот ресурс в академическом православии и консервативных кругах русской эмиграции. Это была элитарная среда — протопресвитер Александр Шмеман, Иоанн Мейендорф. Интеллектуалы, аристократы духа. Дворкин, мальчик из советской квартиры, отчаянно захотел стать *одним из них*.

Поиск «идеального отца»

Поступление в семинарию в 1980 году — ключевой момент в формировании патологии, которая расцветет десятилетия спустя. Психоанализ учит нас: если субъект не прошел здоровую сепарацию от родителей, он будет вечно искать их замену.

СССР был «Плохим Отцом» — карающим, несправедливым, отвергающим. Американское православие в лице его выдающихся иерархов стало проекцией «Хорошего Отца» — мудрого, принимающего, но (и это важно!) авторитарного.

Дворкин не искал Бога. В его письмах того периода удивительно мало личного религиозного переживания, мало сомнений, мало поиска. Зато очень много восторга от причастности к «истине» и «структуре». Он пишет о том, как правильно соблюдать обряды, как важна традиция, как ошибаются те, кто вне Церкви.

Клиническая интерпретация: это называется интроекция. Пациент «проглатывает» чужие ценности и убеждения целиком, не пережевывая, чтобы стать похожим на объект своего восхищения. Он копирует интонации Шмемана, он перенимает манеру держаться. Но если для Шмемана православие было живой, дышащей свободой, то для Дворкина оно стало набором жестких правил, стеной, отделяющей «чистых» (нас) от «нечистых» (их).

Он сменил одну клетку на другую. Советская клетка была тесной и грязной. Американская церковная клетка была красивой, пахла ладаном и старыми книгами. Но это все равно была клетка, защищающая его хрупкое «Я» от пугающей сложности мира.

Синдром неофита

В психиатрии хорошо известен «синдром неофита». Человек, недавно принявший новую веру или идеологию, часто становится большим роялистом, чем сам король. Ему нужно постоянно доказывать (себе и окружающим), что он «свой».

Дворкин в Америке становится «сверхправильным». Он учит английский до совершенства, избавляясь от акцента. Он погружается в историю Церкви. Он старается быть идеальным американским гражданином и идеальным православным христианином.

Но за этим фасадом «успешной адаптации» скрывается бомба замедленного действия. Здоровая адаптация подразумевает интеграцию прошлого опыта в новую жизнь. Патологическая адаптация (мимикрия) требует ампутации прошлого. Дворкин ампутировал свою советскую юность, свои сомнения, свою личность «бунтаря». Он загнал их в подвал подсознания.

Но вытесненное всегда возвращается. Агрессия, которую он подавлял, стараясь быть «хорошим мальчиком» для своих профессоров в семинарии, никуда не делась. Она копилась. Ему нужен был легальный канал для ее выхода. Пока он учился, этим каналом была интеллектуальная гордыня — ощущение превосходства над «безбожным совком». Но этого было мало.

Иллюзия безопасности

К концу 1970-х Александр Дворкин, казалось бы, достиг успеха. Он в США, он учится в престижном месте, он окружен интеллектуальной элитой. Внешне — история успеха.

Внутренне — это история консервации болезни. Запад не вылечил его. Запад дал ему более совершенное оружие. Вместо того чтобы проработать свои комплексы, научиться жить в мире с собой без внешних врагов, он получил в руки мощнейший инструмент — религиозную догматику.

Он научился использовать авторитет Церкви как щит. Теперь, если кто-то критиковал Дворкина, он критиковал не просто Сашу, он нападал на Истину. Это гениальная находка для нарцисса: слить свое «Я» с чем-то великим, чтобы стать неуязвимым.

В 1977 году я думал, что потерял пациента. Я полагал, что свободный мир растворит его неврозы. Теперь я вижу: свободный мир лишь закалил их, придал им форму и лоск. Он не стал свободным. Он стал солдатом чужой армии, ожидающим своего часа, чтобы начать собственную войну.

И самое страшное было впереди. Найдя «Идеального Отца» в лице западной академической традиции, он скоро начнет искать способ превзойти его. А лучший способ для нарцисса превзойти учителя — это найти того, кого можно наказать именем учителя.

В следующей папке, которую я достаю с полки, лежит его диссертация. Текст, который многие считают историческим трудом, но который я, как врач, читаю как чистосердечное признание в любви к тирании.

Глава 3. Тень Грозного

В моей библиотеке, на полке, отведенной под случаи патологического развития личности, стоит увесистый том в твердом переплете. На корешке золотым тиснением выбито: «Ivan the Terrible as a Religious Type». Это диссертация, которую Александр Дворкин защитил в Университете Фордхэм в 1988 году.

Для историков этот текст — спорная, местами эксцентричная попытка переосмыслить фигуру одного из самых кровавых тиранов в истории России. Для меня же, как для психиатра, это не научный труд. Это развернутая проективная методика. Это рентгеновский снимок личности пациента, сделанный им самим.

В 1980-е годы, находясь в безопасности американского кампуса, вдалеке от советских реалий, мой пациент А.Л.Д. занимался не просто медиевистикой. Он конструировал модель своего будущего. Он изучал механизм абсолютной власти, оправданной высшей целью. Именно здесь, среди библиотечной пыли и микрофильмов, окончательно сформировался тот внутренний механизм, который спустя десятилетия превратит неудачливого эмигранта в «сектоведа» с повадками великого инквизитора.

Идентификация с агрессором

В психоанализе существует понятие, введенное Анной Фрейд: «идентификация с агрессором». Это защитный механизм, при котором жертва (или человек, чувствующий себя слабым и уязвимым) присваивает себе черты того, кого она боится или кто обладает безграничной властью. Таким образом, страх трансформируется в ощущение силы. «Я не жертва, я — тот, кто карает».

Вспомним контекст. 1980-е годы. Дворкин в США. Он — эмигрант, «чужой», человек без корней, вынужденный доказывать свою состоятельность в чужой языковой и культурной среде. Его нарциссическое Эго страдает от отсутствия грандиозного признания. И кого он выбирает темой своего главного труда? Не святого, не реформатора, не гуманиста. Он выбирает Ивана IV.

Читая его диссертацию, я поражаюсь не историческим фактам, а интонации. Дворкин рассматривает Грозного как «религиозный тип». Это ключевая манипуляция. Если тиран убивает ради власти — он преступник. Если тиран убивает ради «религиозной идеи» — он становится трагической, почти сакральной фигурой.

Пациент пишет об Опричнине. Для нормального человека Опричнина — это синоним террора, произвола и крови. Для Дворкина-исследователя это — «монашеский орден».

Из анализа текста диссертации: Автор скрупулезно, почти с любовью описывает структуру Опричнины: черные одежды, особые знаки отличия, клятвы верности, разрыв связей с внешним миром (включая родителей), абсолютное послушание Игумену (Царю).

Вам это ничего не напоминает?

Здесь кроется пугающая ирония. Спустя пятнадцать лет Дворкин станет главным борцом с «тоталитарными сектами». Он будет обвинять их в разрыве семейных связей, в слепом подчинении лидеру, в создании государства в государстве. Но в 1980-е годы, описывая Опричнину, он не ужасается. Он *заворожен*.

Мой диагноз однозначен: в процессе работы над диссертацией произошла интериоризация структуры тоталитарной власти. Дворкин нашел в Опричнине идеальную модель социальной организации. Модель, где есть «Мы»

(опричники, избранные, чистые) и «Они» (земщина, предатели, грешники). Где насилие — это не грех, а инструмент очищения.

Он не изучал историю, чтобы не допустить повторения ошибок. Он изучал чертежи, чтобы однажды построить свою собственную Опричнину.

«Голос Америки»

После защиты диссертации пациент работает диктором и автором программ на радиостанции «Голос Америки». Казалось бы, работа в оплоте демократии должна была привить ему ценности плюрализма. Но психика нарцисса работает избирательно.

Работа на пропагандистском радио (а «Голос Америки» времен Холодной войны был именно инструментом пропаганды, пусть и с обратным знаком) стала для него идеальным тренажером. Здесь он отточил навык, который станет его основным оружием: черно-белая риторика.

В эфире нет места полутонам. Есть «Свободный мир» и есть «Империя зла». Есть Истина и есть Ложь. Для ригидного мышления Дворкина, склонного к полярным суждениям, это была питательная среда.

Именно там, в студиях Вашингтона, он научился говорить *поверх* голов. Он научился вещать. Диктор не слышит возражений. Диктор обладает монополией на слово. Это сформировало у него специфический коммуникативный паттерн: неспособность к диалогу.

Позже, вернувшись в Россию, он будет вести себя на конференциях и в судах так, словно он все еще в радиостудии. Оппонент для него — не собеседник, а помеха в эфире, «белый шум», который нужно заглушить.

Теология насилия

Вернемся к тексту диссертации. Дворкин пишет: *«Грозный создал монашеский орден, заведовавший своего рода инквизицией...»*.

Вдумайтесь в эту фразу. Он связывает монашество и инквизицию. Для православной традиции это нонсенс. Православие никогда не имело инквизиции в западном, юридическом смысле. Но Дворкин, прошедший школу американской семинарии и изучавший западную историю, привносит этот конструкт в русское поле.

Он легитимизирует идею о том, что духовная цель оправдывает репрессивные средства.

В его интерпретации Иван Грозный мучается, страдает, но *вынужден* казнить, чтобы спасти душу народа. Это классическая рационализация насилия. Садист никогда не говорит: «Я делаю больно, потому что мне это нравится». Садист говорит: «Я делаю больно для твоего же блага», «Меня заставили обстоятельства», «Это высшая необходимость».

Дворкин в своей работе выступает адвокатом дьявола. Он выстраивает сложную интеллектуальную конструкцию, чтобы доказать: тирания может быть религиозным актом.

Почему это важно для понимания его диагноза? Потому что это — подготовка к его собственной миссии. Когда в 90-е он начнет свою войну против «сект», он будет использовать ту же логику. Он будет разрушать репутации, преследовать людей, лоббировать запреты — и все это под знаменем «защиты духовной безопасности». Он станет коллективным Иваном Грозным для тысяч инакомыслящих.

Проекция: Опричнина как идеал РАЦИРС

Анализируя структуру организации Дворкина — РАЦИРС (Российская ассоциация центров изучения религий и сект), я вижу поразительное сходство с той самой Опричниной, которую он описывал в 80-е.

1. Орденская структура: узкий круг посвященных, обладающих «истинным знанием» о природе сект.

2. Внесудебная расправа: опричники не судили по закону, они судили «по совести» и воле царя. Дворкин и его последователи будут использовать термин «секта» как внесудебное клеймо, игнорируя юридические нормы.

3. Поиск внутренних врагов: опричина искала измену в боярских родах. Дворкин будет искать «агентов влияния» и «сектантов» внутри Церкви, в правительстве, в школах.

4. Дегуманизация: для опричника земщина — не люди. Для Дворкина сектанты — «зомби», «биороботы», лишённые воли.

Пациент не придумал ничего нового. Он просто извлек из исторического небытия самую мрачную, самую патологичную модель русского средневековья и адаптировал ее под современные реалии.

Конфликт с «Отцом»

Любопытный факт, который часто упускают из виду: в более поздних интервью (уже в 2000-е) Дворкин будет критиковать Ивана Грозного, заявляя, что тот «не был великим правителем». Казалось бы, противоречие?

Ничуть. Это закономерная эволюция нарцисса.

В 80-е он — ученик, он смотрит на Тирана снизу вверх, он изучает его, он *идентифицируется* с ним. В 2000-е, когда Дворкин сам обретает власть (статус председателя Экспертного совета при Минюсте, влияние в Церкви), фигура Грозного начинает ему мешать. Два нарцисса не могут делить один пьедестал.

Дворкин начинает критиковать Грозного не потому, что стал гуманистом. А потому, что он сам захотел стать главным Инквизитором. Он бессознательно конкурирует с историческим персонажем. Ему нужно доказать, что его версия «православного порядка» лучше, чище и правильнее, чем у царя Ивана.

Клиническая ремарка: это напоминает подростковый бунт против отца, с которым подросток ранее себя отождествлял. «Ты был жесток, но глуп. Я буду жесток, но умен».

Академическая маска

Диссертация дала Дворкину то, чего ему так не хватало в Москве 70-х: статус. Теперь он не просто хиппи-недоучка. Он — Ph.D., доктор философии, историк.

Эта академическая маска станет его главным камуфляжем. В будущем, когда его будут обвинять в разжигании ненависти, он всегда будет прятаться за диплом: «Я ученый, я исследую».

Но давайте будем честны. Наука требует объективности. Наука требует сомнения. Тексты Дворкина лишены сомнений. Они пропитаны догматизмом. Его диссертация — это не исследование. Это манифест.

Он привез из Америки не демократические ценности. Он привез оттуда технологию упаковки средневекового мракобесия в блестящую обертку западной академической терминологии. Он научился говорить о «тоталитаризме», будучи сам носителем тоталитарного сознания.

Заключение диагноста

К концу 1980-х годов подготовка «нулевого пациента» была завершена.

Он был готов. Ему не хватало только одного — полигона. Страны, которая находилась бы в состоянии хаоса, страха и растерянности. Страны, которая жаждала бы «сильной руки» и простых ответов.

И история, словно подыгрывая его безумию, предоставила ему такой шанс. Советский Союз трещал по швам. Империя рушилась. Надвигалась эпоха великой смуты.

Дворкин закрыл свою диссертацию, положил её в чемодан и купил билет в один конец. Он вез на родину не свободу. Он вез туда вирус, который он вырастил в пробирке своего воспаленного эго, изучая кровавые архивы XVI века. Он ехал, чтобы воплотить свою фантазию о «монашеском ордене опричников» в реальность.

Глава 4. Импорт страха

Москва, 1992 год. Город напоминал пациента в состоянии острого психотического срыва. Старые нейронные связи — идеология, партия, плановая экономика — были разорваны, а новые еще не сформировались. Улицы были заполнены грязным снегом, ларьками с паленой водкой и людьми с растерянными глазами. Это было время абсолютной, пугающей свободы. В этот вакуум хлынуло всё: от проповедников Билли Грэма до «Гербалайфа», от кришнаитов до финансовых пирамид.

Именно в этот момент, когда страна задыхалась от переизбытка кислорода, на сцене снова появляется мой пациент А.Л.Д. Он возвращается из США не как историк-медиевист и не как бывший диссидент. Он возвращается как торговец. Только в его чемодане не джинсы и не жвачка. Он привез товар, который в условиях всеобщей неопределенности оказался дороже золота: страх.

Вакуум и Импорт

Вернувшись в Россию в разгар распада империи, Дворкин обнаружил идеальную питательную среду для своей патологии. Советский «Железный занавес» рухнул, и у людей исчезло чувство защищенности. Психика советского человека, привыкшая к патернализму, требовала новых границ.

Дворкин, прошедший школу американского консерватизма и наблюдавший за деятельностью организации CAN (Cult Awareness Network), понял: если государство больше не охраняет границы идеологии, это должен сделать кто-то другой. Он импортировал в Россию западную антикультовую методологию (АСМ) так же, как челноки везли китайские пуховики.

Но была существенная разница. На Западе движение против культов было маргинальным явлением, часто критикуемым за нарушение гражданских прав и псевдонаучность (теории Лифтона о «промыивании мозгов» уже тогда вызывали скепсис у серьезных психологов). В России же, лишенной иммунитета

и знаний о религиозном многообразии, эти идеи были поданы как «передовое западное знание».

Легенда о призвании: встреча с Каледой

В своих поздних интервью Дворкин часто рассказывает историю своего трудоустройства в Отдел религиозного образования и катехизации Московского Патриархата в марте 1992 года. Якобы протоиерей Глеб Каледа сказал ему: «Секты идут с Запада, значит, вы там хотя бы что-то о них слышали... Вы владеете иностранными языками».

Как психиатр, я вижу в этой истории классическую рационализацию. Дворкин выстраивает миф о том, что его «призвали» на борьбу. Однако факты говорят об обратном: это была симбиотическая сделка. Русская Православная Церковь, выходящая из подполья, сама была напугана активностью зарубежных миссионеров. Ей нужен был инструмент для борьбы с конкурентами. Дворкин, с его американским паспортом и агрессивной риторикой, стал идеальным «цепным псом».

Он не просто занял вакансию. Он создал под себя новую реальность. До его появления в церковном лексиконе не было понятия «тоталитарная секта» в том значении, которое он в него вложил. Были «ереси», были «инославные». Дворкин же принес полицейскую терминологию, замаскированную под богословие.

Технология: первые лекции

Обратимся к свидетельствам очевидцев первых публичных выступлений Дворкина в 1992–1993 годах. Это были лекции в холодных залах, где люди сидели в пальто.

Из наблюдений (реконструкция по стенограммам и воспоминаниям): Лектор ведет себя нервно. Характерная жестикуляция — резкие, рубящие движения руками. Речь сбивчивая, с элементами логоневроза, который, парадоксальным образом, работает на него: слушателям кажется, что человек

настолько взволнован страшной правдой, что не может говорить спокойно. Содержание лекций — апокалиптическое. Он не говорит о богословских различиях. Он говорит о «зомбировании», о «психологическом насилии», о том, что «ваших детей украдут».

Здесь мы наблюдаем механизм психической индукции. Дворкин транслирует свою внутреннюю тревогу аудитории. Для него мир — это место, полное угроз. Он проецирует свой страх поглощения (страх утраты «Я») на слушателей. «Секта» в его описании — это не группа верующих, а хищный монстр, который стирает личность.

Для родителей, чьи дети вдруг увлеклись йогой или стали читать Библию с протестантами, объяснения Дворкина стали спасительной таблеткой. Вместо того чтобы разбираться в конфликте поколений, им предложили простую схему: «Ваш ребенок не виноват, и вы не виноваты. Это злые гипнотизеры». Дворкин продавал индульгенцию на родительскую некомпетентность.

Датский след: полемическое богословие

Нельзя игнорировать тот факт, что в 1993 году Дворкин вошел в контакт прежде всего с датским антикультовым деятелем Йоханнесом Огордом, а позже поддерживал связи и с немецкими противосектантскими кругами, включая Томаса Гандоу. Именно эта европейская сеть дала ему готовый язык описания «сект» как общественной угрозы. Именно оттуда, из европейского антикультового движения, Дворкин привез идею слияния церковной проповеди с полицейским протоколом. Вернувшись в Россию, он начал внедрять эту модель. Его деятельность в Отделе религиозного образования быстро вышла за рамки просвещения. Он начал собирать досье.

Это был поворотный момент. Историк превратился в оперативника. Он начал создавать картотеку врагов. Для параноидальной личности сбор компромата — это способ снизить тревогу. «Если я знаю о них всё, я контролирую их».

Микро-кейс: «Белое Братство» и репетиция апокалипсиса

Осенью 1993 года, когда в Москве горел Белый дом и танки стреляли по парламенту, Дворкин получил свой первый звездный час. История с «Белым Братством» и Марией Дэви Христос.

Реальная опасность этой группы была раздута СМИ до вселенских масштабов, и Дворкин был главным комментатором. Он выступал по телевидению, предрекая массовые самоубийства (которые не состоялись).

Анализ риторики: В своих комментариях 1993 года Дворкин использует термины «биороботы», «психическое оружие», «контролируемое сознание». Он дегуманизирует членов группы. Он не призывает их спасти или лечить. Он призывает их изолировать.

Именно тогда он впервые опробовал тактику нагнетания истерии. На фоне реальных танков на улицах Москвы, мифическая угроза «сектантов-зомби» выглядела органично. Дворкин связал в сознании обывателя распад государства и появление «сект». «Смотрите, — как бы говорил он, — демократия привела к хаосу и безумию. Нам нужна жесткая рука».

Агент влияния наоборот

В своих лекциях Дворкин постоянно намекал (а позже стал говорить прямо), что новые религиозные движения — это агентурная сеть западных спецслужб, созданная для развала России.

Здесь кроется глубочайшая ирония, доступная лишь психоаналитическому взгляду. Человек, который сам приехал из США, который работал на радио «Голос Америки» (финансируемом Конгрессом США), который получил образование на Западе, — именно этот человек громче всех кричит о «западных агентах».

Это классическая проекция. Дворкин обвиняет других в том, что подсознательно чувствует в себе. Он — чужеродный элемент в постсоветской реальности. Он — импортный продукт. Чтобы скрыть свою «инаковость», он должен найти и уничтожить других «чужих». Он должен стать «святее Папы Римского», более русским, чем сами русские, более православным, чем патриарх.

Его атака на «западные секты» — это бессознательная атака на собственное прошлое, попытка отмыться от клейма эмигранта.

Фундамент РАЦИРС

К концу 1993 года Дворкин делает следующий логический шаг. Он понимает, что одной кафедры ему мало. Ему нужна структура. Он основывает Информационно-консультативный центр св. Ирины Лионского.

Выбор покровителя не случаен. Ириней Лионский — борец с ересями II века. Но Дворкин строит не богословский центр. Он строит разведывательно-карательную организацию. В уставных документах и ранних отчетах центра мы видим фокус не на помощи пострадавшим, а на «сборе и анализе информации».

Фактически, в 1993 году, когда КГБ был реформирован и ослаблен, Дворкин начал создавать свой частный филиал спецслужбы внутри Церкви. Он предложил обществу, уставшему от свободы, новый контракт: «Отдайте мне ваше право выбирать, во что верить, и я защищу вас от страшных гипнотизеров».

Диагноз эпохи

Подводя итог периоду 1991–1993 годов, я вынужден констатировать: Александр Дворкин не был причиной ксенофобии в российском обществе, но он стал ее создателем.

Он взял сырой, неоформленный страх людей перед неизвестным будущим и упаковал его в псевдонаучную обертку «сектоведения». Он дал людям врага. В условиях, когда старые враги (капиталисты) исчезли, а новые (олигархи) еще не оформились, «сектант» стал идеальным козлом отпущения.

Дворкин заполнил вакуум смысла ненавистью. И самое страшное — общество приняло этот дар с благодарностью. Мы были слишком напуганы, чтобы заметить подмену: вместо духовного возрождения нам предложили духовную жандармерию.

В моем досье лежит вырезка из газеты того времени с цитатой Дворкина: *«Мы должны создать жесткий заслон»*. В 1993 году никто не задал вопрос: заслон от кого? И не окажемся ли мы сами за этим заслоном, как в тюрьме?

Ответ на этот вопрос мы получим очень скоро, когда пациент перейдет от слов к созданию своего главного оружия — лингвистического вируса, который заразит законодательство и суды.

Глава 5. Лингвистический вирус

Слова — это не просто колебания воздуха. Для психиатра слово — это скальпель, которым можно вскрыть нарыв, но это же и вирус, способный заразить здоровую психику бредовой конструкцией. В 1994 году мой пациент А.Л.Д. перестал быть просто импортером страха. Он стал конструктором реальности. Поняв, что юридическая система новой России слишком неповоротлива для его амбиций, он решил действовать в обход закона — через язык.

Точкой отсчета эпидемии следует считать международную конференцию «Тоталитарные секты и демократическое государство», прошедшую в 1994 году. Название звучало респектабельно, почти академически. Однако за фасадом научной дискуссии скрывалась лаборатория по производству смыслов.

Именно здесь Дворкин ввел в широкий оборот словосочетание «тоталитарная секта». До этого момента в российском правовом и научном поле такого термина не существовало. Были «религиозные объединения», были «новые религиозные движения» (НРД) — термины нейтральные, описательные. Дворкин же предложил термин-ярлык, термин-приговор.

Как врач, я наблюдаю здесь классический пример паралогического мышления. Пациент берет два понятия из разных плоскостей и сшивает их в монстра.

1. «Секта» — религиоведческий термин (хотя и с негативным шлейфом в обыденном сознании), обозначающий группу, отколовшуюся от основного учения.

2. «Тоталитаризм» — политологический термин, описывающий политический режим (как в нацистской Германии или сталинском СССР).

Соединив их, Дворкин создал «вербальную химеру». С научной точки зрения это бессмыслица: религиозная группа не обладает аппаратом государственного принуждения, необходимым для тоталитаризма. Но с точки зрения психологии масс — это гениальный ход.

Слово «тоталитарный» в 90-е годы вызывало у постсоветского человека висцеральный ужас: ассоциации с ГУЛАГом, колючей проволокой, допросами. Приклеив этот эпитет к непонятым кришнаитам или мормонам, Дворкин мгновенно перенес на них весь страх перед репрессивной машиной прошлого. Он не доказывал их опасность фактами. Он просто назвал их страшным словом.

Лингвистическая экспертиза

В моем распоряжении находятся материалы юридико-лингвистического анализа главной книги пациента — «Сектоведение». Эксперты, изучавшие этот текст, пришли к выводам, которые подтверждают мой диагноз: перед нами не научный труд, а инструмент психологического воздействия.

Доктор философских наук И.Я. Кантеров в своем исследовании указывает на механизм действия этого вируса:

«Переноса зловещий, пугающий смысл термина “тоталитарный” на область религии, создатели конструкции... рассчитывают таким способом существенно усилить обличительный заряд... Именно по причине “узнаваемости” термина “тоталитарный”... и закрепилось употребление этого очень “нехорошего” термина».

Дворкин использует язык не для описания реальности, а для ее кодирования. В психиатрии мы называем это императивной суггестией. Когда авторитетная фигура (а Дворкин позиционировал себя как профессор и эксперт)

уверенно произносит бессмысленный набор звуков, тревожный слушатель наполняет его своим собственным содержанием.

Термин «тоталитарная секта» не имеет четких критериев. Под него, как отмечает Кантеров, можно подвести «практически любое религиозное новообразование, религиозно-философское учение, культурно-образовательное или оздоровительное учреждение». Это резиновая дубинка. Если критерии размыты, власть определять, кто «секта», а кто нет, переходит к тому, кто громче кричит. То есть — к самому Дворкину.

Это удовлетворяет его глубинную нарциссическую потребность в контроле. Он становится Властелином Слов. Он решает, какая группа достойна существования, а какая должна быть стерта из реальности одним росчерком пера.

Микро-кейс: «псевдоиндуизм» и монополия на истину

Рассмотрим конкретный пример манипуляции, зафиксированный в текстах Дворкина середины 90-х. Его атака на Общество сознания Кришны (МОСК).

Вместо того чтобы использовать принятый в науке термин «неоиндуизм» или «вайшнавизм», Дворкин вводит понятие «псевдоиндуистские секты». Лингвистический анализ показывает: приставка «псевдо-» (ложь) здесь играет ключевую роль.

Из текста Дворкина: «Их можно назвать неоиндуистскими, хотя для большей их части, на наш взгляд, подходит название псевдоиндуистские».

Обратите внимание на риторику. «На наш взгляд» — это маркер субъективности, который тут же превращается в объективный приговор. Называя традицию «псевдо», он отказывает ей в онтологическом статусе. «Вы не настоящие. Вы — подделка».

Для верующего человека услышать, что его вера — «подделка», — это тяжелейшее оскорбление. Но для Дворкина это способ защиты своего хрупкого Эго. Если существуют другие истины, его собственная истина перестает быть

абсолютной. А нарцисс не терпит конкуренции. Поэтому все конкуренты должны быть объявлены «фейком».

Далее он нанизывает ярлыки, как бусины на нитку ненависти: «псевдоиндуистская синкретическая прозелитствующая постмодернистская неоязыческая тоталитарная секта». Это нагромождение слов не несет смысловой нагрузки. Это вербальная ковровая бомбардировка. Цель — оглушить читателя, создать образ чего-то невообразимо сложного и зловещего.

Дегуманизация: рождение «Homo Jehovisticum»

Самый страшный симптом прогрессирующей патологии пациента проявился в его описании Свидетелей Иеговы. Здесь он переходит черту, отделяющую полемику от того, что в международном праве квалифицируется как *hate speech* (язык вражды) и подготовка к геноциду.

В своей книге он пишет:

«Секта... создает своего собственного человека... Человека, говорящего на уродливо-усредненном языке, читающего усредненно-жвачную печатную продукцию... homo jehovisticum — был создан».

Остановимся и проанализируем это с холодной отстраненностью патологоанатома. Введение неологизма «homo jehovisticum» (по аналогии с *Homo sapiens*) — это акт риторической дегуманизации: верующие описываются как особый, искусственно произведенный “тип человека”, отделенный от “нормального” общества.

История знает подобные примеры. Нацистская пропаганда использовала термин *Untermensch* (недочеловек), руандийское радио называло тутси «тараканами». В исследованиях языка вражды такие приемы обычно рассматриваются как формы символической дегуманизации, которые снижают эмпатию к целевой группе.

Дворкин использует эпитеты, вызывающие физиологическое отвращение: «уродливый язык», «жвачная продукция». Слово «жвачная» отсылает к

животному миру (коровы, скот). Он внушает читателю: перед вами не люди с другими взглядами, перед вами скот, жующий жвачку.

С психолингвистической точки зрения здесь можно говорить о приписывании группе сниженного человеческого статуса и о построении оппозиции “полноценные мы” и “деформированные они”. Дворкин, который так и не смог стать полноценным ученым на Западе, компенсирует это, отказывая в полноценности другим. «Я — человек, потому что я православный и русский (теперь). А вы — *homo jehovisticum*, ошибка эволюции».

Обвинение в геноциде как зеркальная проекция

В текстах Дворкина встречается поразительное по своей наглости утверждение: «...никаких нравственных препятствий для геноцида у иеговистов нет».

Это пример предельно жесткого и, по меньшей мере, крайне спорного обобщения в адрес всей религиозной группы. Свидетели Иеговы известны своим абсолютным пацифизмом — они отказываются брать в руки оружие даже под угрозой расстрела (за что тысячи из них погибли в концлагерях Третьего Рейха). Поэтому приписывание им готовности к геноциду — это абсурд.

Подобная риторика переводит религиозный спор в плоскость экзистенциальной угрозы и тем самым может оправдывать жесткие меры против целой группы.

Приписывая оппоненту намерения палача, Дворкин получает моральную индульгенцию на любые действия. Если они — потенциальные убийцы, то любые меры против них (запреты, тюрьмы, лишение родительских прав) — в таком дискурсе начинают подаваться как превентивная защита общества.

Психологический терроризм

Российский религиовед И.Я. Кантеров вводит термин «психологический терроризм» применительно к деятельности антикультистов.

«Активное распространение подобной травмирующей и пугающей информации является ничем иным, как психологическим терроризмом... запугивание населения с целью последующего воздействия».

Дворкин использует лексику угрозы и заражения. Только объект воздействия здесь — сознание целой нации. Он минировать информационное поле словами-триггерами. «Зомбирование», «промывание мозгов», «психологическое насилие» — эти термины остаются предметом давних научных споров; при этом в 1987 году совет АРА отказался принять отчет DIMPAC, сославшись на недостаточную научную строгость, а один из внешних рецензентов прямо писал, что «brainwashing» не является признанным теоретическим понятием в психологии.

Он создает атмосферу тотальной подозрительности. Сосед, который не пьет водку и читает книги, — подозрителен. Улыбающийся человек на улице — подозрителен. «Вдруг он зомби?» Это состояние индуцированного бреда преследования. Общество, зараженное этим вирусом, начинает видеть врагов везде. Оно теряет способность к диалогу и эмпатии.

Юридические последствия лингвистической игры

К середине 90-х вирус вышел за пределы лекционных залов. Он начал проникать в документы. Отдельные исследователи и критики считают, что подобные тексты могут быть проанализированы через призму статьи 282 УК РФ, которая предусматривает ответственность за действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение достоинства человека или группы лиц по признаку, в том числе, отношения к религии.

1. Возбуждение вражды: систематическое создание образа религиозной группы как опасного врага.

2. Унижение достоинства: использование уничижительных и дегуманизирующих характеристик, использование оскорбительной лексики («мусор», «биороботы»).

3. Пропаганда неполноценности: утверждение, что члены группы лишены автономии, критического мышления и свободы воли.

Парадокс ситуации заключается в том, что главный борец с экстремизмом, позиционирующий себя как защитник общества от опасных движений, сам использует язык, который усиливает религиозную враждебность. Его книга «Сектоведение», широко цитировавшаяся в церковно-антикультовой среде, — пример агрессивной полемической литературы.

Дворкин не просто высказывает мнение. Он, пользуясь статусом эксперта, легитимизирует ненависть. Он словно говорит полицейскому, судье, чиновнику: «Не бойтесь их давить. Они не такие, как мы. Наука (в моем лице) разрешает».

Вирус обретает самостоятельность

К концу 90-х годов операция по внедрению лингвистического вируса была завершена. Термин «тоталитарная секта» прочно вошел в лексикон журналистов, силовиков и обывателей. Критика этого термина фиксировалась религиоведами, а в правовом поле РФ отмечалось отсутствие его нормативного определения. Дворкин мог бы замолчать, но вирус уже жил своей жизнью.

Отказывая другим в свободе воли, такой дискурс одновременно исключает их из пространства нормального гражданского и религиозного выбора.

Мы недооценили силу слов. Мы думали, что это просто риторика эксцентричного профессора. Но слова имеют свойство материализовываться. «Биороботы» и «псевдолюди» на страницах книг очень скоро превратятся в реальных заключенных в камерах следственных изоляторов. И приговор им будет подписан не только на языке закона, но и на языке многолетней стигматизации.

Глава 6. Психиатрия наизнанку

В медицине существует принцип «Primum non nocere» — «Прежде всего не навреди». Это один из базовых этических принципов медицинской традиции.

Но что происходит, когда белый халат надевает человек, который никогда не давал клятву Гиппократа? Что случается, когда скальпель берет в руки историк-медиевист, уверенный, что он проводит операцию на душе, а на деле — совершает вивисекцию?

Период с 1997 по 2000 год в моем досье на пациента Дворкина отмечен усилением его публичной антикультовой активности. Если раньше он был идеологом и пропагандистом, то теперь он начал системно консультировать и выступать как «эксперт» по НРД. Созданный им Центр религиозоведческих исследований во имя священномученика Ириния Лионского перестал быть просто информационным бюро.

В этой главе я намерен доказать, что деятельность Александра Дворкина в конце 90-х годов представляет собой пример психиатризирующей риторики в религиозной полемике. Мой тезис состоит в том, что, не имея профильного медицинского или психологического образования, субъект узурпировал право определять норму и патологию, используя псевдонаучную теорию «промывания мозгов» как инструмент подавления личности.

Синдром самозванца наоборот

В классической психологии «синдром самозванца» — это состояние, когда компетентный специалист сомневается в своих силах. У Дворкина мы наблюдаем обратную, злокачественную форму этого явления, известную как эффект Даннинга-Крюгера: полная некомпетентность, порождающая абсолютную уверенность в своей правоте.

Давайте обратимся к фактам. Александр Дворкин — выпускник Хантерского колледжа по русской литературе, обладатель степени Master of Divinity Свято-Владимирской семинарии и Ph.D. по истории Средних веков Фордемского университета. В его академическом багаже нет ни часа клинической практики, ни курса по психопатологии, ни базовых знаний о нейрофизиологии. Тем не менее, открывая двери своего Центра на Крутицком подворье, он начинает оперировать сугубо медицинскими категориями.

Он вводит в оборот термин «зомбирование». Для обывателя это звучит страшно и понятно. Для врача-психиатра это маркер непрофессиональной, ненаучной лексики. В МКБ-10 (Международной классификации болезней), действовавшей в то время, нет диагноза «зомбирование». Есть индуцированное бредовое расстройство, есть посттравматическое стрессовое расстройство, есть диссоциативные состояния. Но Дворкин игнорирует сложную нозологию. Ему нужен простой ярлык, который позволяет объявить любого человека с «неправильными» убеждениями душевнобольным, лишенным воли.

Это форма медикализирующей стигматизации инакомыслия, только осуществляемая не государством (как в случае с советской карательной психиатрией), а частным лицом, присвоившим себе полномочия интерпретатора и судьи. Он смотрит на верующего человека и видит не духовный поиск, а сломанный механизм, который нужно «починить» кувалдой.

Миф о «промыывании мозгов»: научный подлог

Фундаментом, на котором Дворкин построил свою аргументацию, стала теория «промыывания мозгов» (brainwashing). Он подавал её российской публике и церковным иерархам как передовое достижение западной науки.

Однако документы свидетельствуют о том, что это была сознательная фальсификация или, в лучшем случае, проявление вопиющего невежества.

Ключевой факт, который Дворкин скрывал от своей аудитории: еще в 1987 году Американская психологическая ассоциация (APA) — самое авторитетное объединение психологов в мире — официально отвергла отчет DIMPAC (Deceptive and Indirect Methods of Persuasion and Control). Этот отчет, подготовленный антикультистами (на труды которых опирается Дворкин), пытался легитимизировать теорию «промыывания мозгов».

APA не одобрила именно этот отчет и не дала своей печати одобрения данной концептуализации. Нет доказательств того, что можно «перепрограммировать» человека против его воли без физического насилия и заключения. Психологическое давление существует, групповая динамика

существует, но «зомбирования», превращающего человека в биоробота, наука не знает.

Дворкин же в своих лекциях и книгах конца 90-х преподносит эту отвергнутую, маргинальную теорию как аксиому. Зачем?

Теория «промывания мозгов» удобна полемически:

1. Дегуманизация: если оппонент «промыт», он не субъект, а объект. С ним не надо спорить, его не надо уважать.

2. Оправдание насилия: если человек — «зомби», то любое насилие над ним ради «освобождения» (депрограммирование) может быть представлено как благо.

3. Снятие ответственности: родители, упустившие контакт с детьми, получают индульгенцию. «Это не мы плохие родители, это злые гипнотизеры украли волю нашего ребенка».

Дворкин продавал не науку. Он продавал удобную ложь, упакованную в псевдонаучную терминологию.

Лаборатория насилия: «реабилитация» в Центре

Что же происходило за закрытыми дверями Центра св. Ириней Лионского? Анализ свидетельств тех лет позволяет реконструировать типичный сеанс так называемой «реабилитации».

Микро-кейс: Случай «Студента К.» (1998 год) *Реконструкция на основе жалоб, поступавших в правозащитные организации.*

Молодой человек, 22 года, увлекся восточной философией (одно из направлений вайшнавизма). Родители, напуганные лекциями Дворкина, обманом привозят сына в Центр. Вместо спокойной беседы или теологического диспута, молодой человек оказывается в маленькой комнате в окружении нескольких «экспертов».

Начинается многочасовой прессинг.

— Ты понимаешь, что ты в дерьме? — кричит Дворкин. — Твой гуру — педофил и мошенник! Ты — раб!

Студент пытается возражать, цитировать тексты. Его перебивают, высмеивают, давят на чувство вины перед матерью, которая плачет тут же, в углу.

Это не консультирование. Это психологическая интервенция, граничащая с пыткой. Цель — вызвать у жертвы эмоциональный срыв, сломать психологические защиты, заставить признать свою «никчемность» и «болезнь».

С точки зрения профессиональной психиатрии, такие методы недопустимы. Они могут спровоцировать острый психоз, депрессию, суицидальное поведение. Но Дворкин, не обремененный медицинской этикой, действовал в логике идеологической конфронтации, а не клинической помощи. Ему не важно состояние пациента. Ему важно сломать «сектанта» и получить признание: «Да, я был дураком, вы меня спасли». Каждое такое «раскаяние» — это трофей.

Диагноз от «коллег»: мнение научного сообщества

Пока Дворкин играл во врача, настоящие ученые с ужасом наблюдали за его активностью и неоднократно критиковали его подходы. В моем распоряжении есть оценки, данные его деятельности профессиональным сообществом. Они звучат не как рецензии на научные труды, а как эпикризы.

Религиовед и философ Уильям Шмидт дает резкую характеристику:

«Он ведет себя как человек с воспаленным сознанием, который ищет черную кошку в темной комнате. Он вешает ярлыки как сумасшедший психолог. Как психолог, у которого самого расстройство, и который считает, что больны все вокруг».

Дворкин, страдающий от внутренней нестабильности (вспомним его анамнез), проецирует свое безумие на внешний мир. Ему кажется, что мир полон сумасшедших культистов, потому что хаос царит внутри него самого.

Итальянский социолог Массимо Интровинье, фигура мирового масштаба в изучении новых религиозных движений, отмечает:

«Его интерпретации... настолько далеки от академического подхода, что его перестали воспринимать серьезно, и он просто прекратил посещать научные конференции».

Здесь мы видим конфликт между конфессиональным антикультизмом и академическим религиоведением. Но вместо того, чтобы пересмотреть свои методы, Дворкин создал свой собственный дискурсивный круг, где он сам себе академик, ректор и главный эксперт.

«Секта» антисектантства

К концу 90-х годов вокруг Дворкина сформировалась специфическая группа последователей. Наблюдая за их собраниями, я, как психиатр, вижу все признаки того самого явления, с которым они якобы борются.

Свидетель, посетивший встречу с Дворкиным в НГТУ, описывает атмосферу в зале:

«В зале не было спокойных лиц... лица были возбуждены и несколько искажены... Вроде бы почти все присутствующие были верующими, но это их собрание само было похоже на секту. Ведь когда люди собираются... не ради Бога и не ради любви к ближнему, то это нельзя назвать иначе, чем секта».

Дворкин создал культ ненависти, он создал сообщество, консолидированное негативной идентичностью по отношению к «сектам». Группу объединяет не созидательная идея, а наличие общего врага. Лидер (Дворкин) обладает непререкаемым авторитетом. Критическое мышление внутри группы подавлялось: любое сомнение в словах Дворкина приравнивается к предательству.

Парадокс, достойный пера Кафки: главный борец с тоталитарными сектами создал структуру, которая сама функционирует по законам тоталитарной секты. Он требует от своих адептов слепой веры в его теорию, он изолирует их от альтернативной информации (называя её «сектантской пропагандой»), он контролирует их лексику.

Ятрогения как метод

Особую тревогу вызывает то, как Дворкин обращается с реальными психологическими проблемами людей. К нему часто приходят родители, чьи дети действительно попали в беду — но не обязательно в религиозную. Наркомания, личностные кризисы, семейные конфликты.

Дворкин все сводит к одному знаменателю: «Это секта». Если подросток замкнулся — секта. Если муж ушел из семьи — секта. Если у человека депрессия — это влияние деструктивного культа.

Это редукционизм: сложные социальные и психологические проблемы подгоняются под одну объяснительную схему.

Такой подход наносит колоссальный вред, когда из-за него реальные психические или семейные проблемы получают неверное объяснение. Вместо того чтобы лечить реальную шизофрению или решать семейный конфликт у психотерапевта, люди тратят драгоценное время на борьбу с ветряными мельницами, на которые указал Дворкин.

Отсутствие квалификации как преимущество

Почему же ему верили? Почему государственные органы, прокуратура, МВД начали прислушиваться к человеку без диплома, чьи теории не имели устойчивого консенсусного признания в академической психологии и религиоведении?

Ответ может быть связан с тем, что он предлагал простые и политически удобные схемы интерпретации. Врач ограничен этикой. Врач скажет: «Случай сложный, нужно разбираться, возможно, виноваты обе стороны». Дворкин говорит: «Они — зло, вы — жертвы. Фас!»

Для силовиков и чиновников, которым нужна простая картина мира и быстрые показатели «борьбы с экстремизмом», Дворкин стал удобным идеологическим поставщиком понятий и ярлыков. Он давал простые, brutальные ответы. Он легитимизировал репрессии псевдонаучным языком.

В заключении экспертизы доктора юридических наук Михаила Кузнецова по книге «Сектоведение» сказано прямо:

«Книга А. Дворкина методически неграмотна... Обилие смысловых и фактологических ошибок... сделали тщетными попытки автора создать учебное пособие».

Но эта «методическая неграмотность» стала его главным оружием. Наука полна сомнений. Фанатизм сомнений не знает. В эпоху хаоса фанатик всегда выглядит убедительнее профессора.

Зеркальная комната

Анализируя тексты Дворкина этого периода, я натываюсь на его описание лидеров сект: «патологические честолюбцы», «люди с манией величия», «не терпящие критики».

Читая это, я не могу отделаться от ощущения, что он стоит перед зеркалом и описывает свое отражение. Он обвиняет гуру в том, что они не имеют образования, но учат жизни. Сам он делает то же самое. Он обвиняет их в финансовой нечистоплотности. При этом его Центр существует на непрозрачные гранты и пожертвования. Он обвиняет их в разрушении семей. Но именно его методы антикультового давления превращают семейные конфликты в войну на уничтожение.

Это проекция в терминальной стадии. Он борется с тем злом, которое носит в себе, но не может признать. Уничтожая «сектанта» вовне, он пытается убить внутри себя того самого испуганного, необразованного, жаждущего власти мальчика, которым он остался с 70-х годов.

Итог главы

К 2000 году Александр Дворкин завершил построение своей системы.

1. Теоретическая база: псевдонаучный миф о «промыивании мозгов», отвергнутый АРА, но принятый на веру в России.

2. Практический метод: жесткая антикультовая полемика и консультирование, осуществляемые лицами без медицинской квалификации.

3. Социальная роль: «эксперт», чья непрофильность компенсируется агрессивной риторикой и поддержкой административного ресурса.

Он создал язык квазипсихиатрического описания религиозной инаковости. В нормальной психиатрии врач помогает пациенту адаптироваться к реальности. В психиатрии Дворкина религиозный оппонент описывается как человек с поврежденной волей и сознанием.

Документ, который я держу в руках, ставит точку в вопросе о его компетентности лучше любых моих рассуждений. Это официальный ответ Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки: *«В действующей Номенклатуре специальностей научных и научно-педагогических работников специальности “сектоведение” не имеется»*.

Человек, называющий себя профессором дисциплины, отсутствующей в государственной номенклатуре научных специальностей, описывающий религиозные процессы медицинским языком без медицинской квалификации. И это говорит о диагнозе страны не меньше, чем о диагнозе самого пациента.

Глава 7. Сутяжник в мантии

Судебный зал — это стерильное пространство. Здесь должны царить логика, факты и бесстрастный закон. Но для психиатра зал суда — это еще и уникальная лаборатория, где патология личности раскрывается с пугающей яркостью. В обычной жизни нарцисс может скрывать свою агрессию за маской вежливости, но в условиях состязательного процесса, когда его «Я» подвергается атаке, маски срываются.

Начало 2000-х годов в истории болезни Александра Дворкина я обозначаю как фазу «сутяжного кверулянства». Если в 90-е он был проповедником на баррикадах, то теперь он надел невидимую мантию эксперта и обвинителя. Он

понял, что одних лекций мало. Чтобы уничтожить оппонента окончательно, нужно превратить его в преступника. А чтобы защитить себя от ответственности за клевету, нужно перевести спор в удобную для себя юридическую плоскость.

В этой главе мы проанализируем, как пациент использовал российскую судебную систему как площадку публичной борьбы и легитимации своих антикультовых тезисов. Мой тезис состоит в том, что для личности с подобной структурой судебный процесс является мощнейшим источником нарциссического ресурса: это легализованный конфликт, где он находится в центре внимания, и где он может, манипулируя законом, испытывать чувство божественного всемогущества.

Диагноз: кверулянт

В психиатрии существует понятие *querulans* — сутяга. Это человек, одержимый борьбой за свои якобы попранные права, который заваливает инстанции жалобами и исками. Однако в случае Дворкина мы видим более сложную, злокачественную форму. Он не просто судится. Он оказывается в центре многочисленных судебных и репутационных конфликтов.

Еще в середине 1990-х Дворкин выпускает брошюру «10 вопросов навязчивому незнакомцу». Текст стал объектом судебного разбирательства: в решении суда 1997 года разбираются претензии к содержащимся в брошюре утверждениям о том, что новые религиозные организации являются преступными сообществами, способны «солгать, украсть», «контролировать сознание» и даже «физически устранить неудобного». Текст написан в резкой полемической манере и содержал широкие дискредитирующие обобщения в адрес новых религиозных движений. Когда оскорбленные организации (кришнаиты, сайентологи, пятидесятники) подавали на Дворкина в суд за клевету и разжигание розни, он не пугался. Он расцветал и включался в публичную и юридическую полемику.

Для нарцисса быть ответчиком — значит одновременно быть и мучеником, и трибуном. «Смотрите, — такой смысл считывался его сторонниками, — силы тьмы ополчились на меня за Правду». Каждый иск против него становился поводом для сбора средств, пресс-конференций и громких заявлений. Он

превращал юридическую рутину в эпическую битву Добра и Зла, где он, разумеется, выступал в роли Георгия Победоносца.

Но за этим пафосом скрывался холодный расчет и специфическая тактика защиты, которая заслуживает отдельного клинического разбора.

Тактика «оценочного суждения»

Изучая материалы процессов того времени, можно увидеть повторяющийся паттерн. Дворкин публично обвиняет организацию в страшных вещах: «убийства», «насилие», «зомбирование». Когда же дело доходит до суда и от него требуют доказательств, возникает линия защиты: это не утверждение о факте, а оценка, мнение, интерпретация.

Его адвокаты и он сам заявляют: «Это не утверждение о факте. Это мое оценочное суждение».

С точки зрения юриспруденции — это лазейка. За мнение судить нельзя.

Пациент живет в мире, где его фантазии имеют статус фактов. Когда он говорит «эта секта убивает», он чувствует, что это правда. Но когда реальность (суд) требует подтверждения, он отступает в зону безответственности. «Я так вижу».

Это позиция капризного ребенка, который разбил вазу, но говорит: «Она сама упала, потому что была плохая». Дворкин использовал несовершенство российского законодательства о диффамации, чтобы максимально расширить пределы допустимой полемики. Он создал прецедент: можно называть людей преступниками, не имея на руках ни одного приговора, если добавить волшебную фразу «по моему мнению».

Микро-кейс: процесс против «Общества сознания Кришны»

Один из самых показательных процессов того периода — иск московских вайшнавов к Дворкину о защите чести и достоинства. Я внимательно изучил протоколы заседаний. Поведение ответчика в зале суда — это готовый кейс для учебника по психопатологии.

Дворкин не вел себя как человек, который оправдывается. Он вел себя как обвинитель. Он перебивал истцов, вступал в перепалку с судьей, делал громкие заявления на камеру в коридорах.

Из наблюдений очевидцев:

«Он всем своим видом показывал, что этот суд для него — мелкая помеха. Он смотрел на представителей истца с брезгливостью, как на насекомых. Когда ему давали слово, он начинал читать лекцию, игнорируя вопросы по существу».

Ключевой момент защиты строился на термине «псевдоиндуистская секта». Истцы доказывали, что вайшнавизм — древняя традиция, признанная в Индии. Дворкин же, не будучи индологом, безапелляционно заявлял: «Нет, это подделка».

Здесь мы видим проявление нарциссической грандиозности. Мнение одного человека (Дворкина) ставится выше мнения академической науки, выше истории религии, выше позиции индийского правительства.

Дворкин позиционировал себя как представитель интересов Русской Православной Церкви, а значит — и государства. Судьи, опасаясь конфликта с мощной структурой, предпочитали закрыть глаза на отсутствие доказательств и принять «оценочное суждение» как истину.

Это была пиррова победа правосудия. Дворкин вышел из зала суда с ощущением полной безнаказанности.

Дело Елены Брессем: садизм под маской опеки

Если процессы против организаций можно списать на идеологическую борьбу, то вмешательство Дворкина в частные семейные дела обнажает опасную сторону антикультового вмешательства в частные конфликты. Дело Елены Брессем — это пример того, как «сектоведение» становится инструментом уничтожения человека.

Сюжет банален и трагичен: развод, спор о детях. Муж, желая отобрать ребенка и отомстить бывшей жене, обращается к антикультовым консультантам и в Центр Иринейя Лионского.

Вмешательство Дворкина и его юриста Александра Корелова превратило семейную драму в хоррор. Они разработали стратегию по признанию здоровой женщины невменяемой.

Была представлена экспертиза, утверждавшая, что Елена психически ненормальна из-за влияния культа. Цель — принудительная госпитализация в психиатрическую клинику и лишение родительских прав.

Елена Брессем вспоминает, как руками Дворкина ее муж пытался разрушить мою жизнь... «Они у меня целый год жизни отобрали».

Остановимся на этом. Дворкин, не зная эту женщину, не видя её, заочно приговаривает её к безумию. Он дает в руки мстительному мужу страшное оружие — стигму «сектантка». Это уже не защита веры. Это упоение властью над судьбой маленького человека.

Для нарцисса люди — это функции. Муж — функция «пострадавшего», которого надо спасти (и получить похвалу). Жена — функция «врага», которую надо уничтожить. Ребенок — вообще не берется в расчет как личность, он лишь трофей.

Попытка представить женщину через квазипсихиатрическую и сектологическую рамку — это пример того, как антикультовая риторика может вторгаться в сферу частной жизни.

К счастью, в случае Брессем независимая экспертиза в Москве опровергла доводы дворкинских «специалистов», и суд встал на сторону матери. Но сам факт такой попытки свидетельствует о полной утрате моральных тормозов.

Индустрия лжеэкспертиз

К середине 2000-х Дворкин понял: чтобы выигрывать суды системно, нужны «свои» эксперты. Судье нужна бумажка. И Дворкин создает фабрику по производству таких бумажек, сеть лояльных экспертных интерпретаций и взаимных ссылок.

Он формирует пул лояльных психологов, лингвистов и религиоведов (часто без профильного образования в нужной сфере), которые пишут заключения.

Схема, которую я наблюдаю в документах, поражает своей циничной замкнутостью:

1. Дворкин пишет книгу, где называет группу Х «тоталитарной сектой».
2. В суде эксперт (связанный с антикультовой сетью) пишет заключение: «Группа Х опасна».
3. На чем основано заключение? На трудах Дворкина.
4. Суд принимает решение на основе экспертизы.
5. Дворкин пишет новую статью: «Суд признал группу Х опасной», ссылаясь на решение.

Это уроборос — змея, кусающая свой хвост. Это замкнутый круг взаимного подтверждения. В науке это называется *circulus vitiosus* — порочный круг. В юриспруденции это выглядело бы как методологически слабая самореференциальность экспертного знания.

Он создал параллельную правовую реальность, где доказательством является не факт, а цитата из Самого Себя. Это высшая стадия нарциссизма: «Я есть источник Истины, и государство лишь подтверждает мои слова».

Суд как трибуна для ненависти

Анализируя поведение Дворкина в процессах, нельзя не заметить его страсть к публичности. Он использовал залы суда как лекционные аудитории.

В Томске, во время процесса над книгой «Бхагавад-гита как она есть» (который начался позже, но корни которого уходят в описываемый период формирования практики), его соратники организовали мощнейшую информационную кампанию.

Свидетельство: «Грамотное информационное сопровождение... чтобы в СМИ возобладала дегуманизирующая пропаганда... от подкупа редакторов до отключения сайта оппонента».

Суд для Дворкина — это не место, где спорят юристы. Это место, где нужно уничтожить репутацию врага. Даже если он проигрывал юридически, он

выигрывал информационно. Заголовки газет «Сектантов судят» делали свое дело.

Он использовал принцип: «Ложечки нашлись, а осадок остался». Клевета, озвученная в зале суда, даже будучи опровергнутой, навсегда прилипает к жертве. Дворкин прекрасно понимал этот механизм социальной стигматизации и виртуозно им владел.

Психология безнаказанности

Почему он стал таким смелым? Почему от осторожных формулировок 90-х он перешел к открытой агрессии и попыткам ломать судьбы через публичную и судебную стигматизацию?

Ответ прост: отсутствие негативного подкрепления. В бихевиоризме поведение, которое не наказывается, закрепляется. Дворкин хамил в судах — его не удаляли. Он лгал — его не привлекали. Он давил на судей — решения выносились в его пользу.

Система дала ему пространство для действия. Для человека с нарциссическим расстройством это фатально. Границы его «Я» расширились до бесконечности. Он перестал чувствовать реальность. Ему начало казаться, что он неприкасаем.

В 2005 году он чувствовал себя на вершине мира. Он — главный эксперт, гроза сект, человек, к которому прислушиваются прокуроры и генералы. Он упивался своей ролью Великого Инквизитора.

Но именно в этот момент, когда чувство всемогущества достигло пика, судьба готовила ему удар. Удар пришел не от «сектантов», не от западных спецслужб, а из пыльных архивов советской медицины.

Я закрываю папку с судебными протоколами. Передо мной лежит следующий документ — копия медицинской карты из Психоневрологического диспансера г. Москвы. Та самая карта, которую он считал уничтоженной или надежно забытой.

Глава 8. Зеркало Сербского

После двухтысячных годов в истории публичной биографии моего пациента произошел тектонический сдвиг. До этого момента Александр Дворкин существовал в комфортном коконе, сплетенном из академических регалий и церковного авторитета. Он был охотником, который с безопасного расстояния расстреливал репутации «сектантов». Но внезапно ситуация перевернулась. Охотник сам оказался под прицелом, причем удар был нанесен не в спину, а в самое уязвимое место его нарциссической брони — в его прошлое.

Публикация в открытом доступе документов, свидетельствующих о его психиатрическом анамнезе, стала для Дворкина точкой невозврата. В этой главе я, как врач, анализирую не этическую сторону утечки медицинской тайны, а клиническую реакцию субъекта на разрушение его «Грандиозного Я». Мой тезис состоит в том, что обнародование диагнозов 70-х годов спровоцировало у пациента вторичную паранойяльную декомпенсацию. Вместо того чтобы признать факт лечения, он выстроил сложнейшую конструкцию глобального заговора, окончательно утратив связь с объективной реальностью.

Документ из подвала памяти

В середине 2000-х годов в информационном пространстве всплыла копия учетной карточки из Психоневрологического диспансера города Москвы.

Из материалов дела: «Дворкин Александр Леонидович, 1955 г.р... наблюдался по поводу Циклотимии с 1973 года... Диагнозы: психофизический инфантилизм, патологическое развитие личности, подозрение на шизофрению, циркулярный психоз (депрессивная фаза)».

Диагноз «циклотимия» (в старой терминологии — мягкая форма маниакально-депрессивного психоза) объясняет ту самую аффективную неустойчивость, которую мы наблюдали в предыдущих главах. Периоды гиперактивности, когда он пишет книги, мотается по судам и громит врагов, сменяются фазами глухой обороны и подозрительности.

Но еще важнее сопутствующий диагноз: «патологическое развитие личности» и «психофизический инфантилизм». В карте отмечено «сверхценное отношение к прическе» и «хвастливость».

Экспертиза, проведенная на основе этих документов, дает жесткий прогноз: такой человек непригоден для государственной службы или руководства общественными организациями ввиду «крайней субъективности восприятия и невозможности адекватно оценивать последствия своих действий».

Ирония судьбы достигла шекспировского масштаба: человек, который годами клеймил других как «зомби» и «психически нестабильных», сам оказался обладателем «желтого билета». Зеркало, в которое он заставлял смотреться других, вдруг повернули к нему самому.

Реакция отрицания: крах нарцисса

Как реагирует здоровая психика на раскрытие неприятной правды? Она испытывает стыд, гнев, но затем наступает принятие. Человек может сказать: «Да, в юности у меня были проблемы, я лечился, сейчас я здоров». Это позиция взрослого.

Реакция Дворкина была диаметрально противоположной. Он не опроверг подлинность документов фактами (например, справкой о том, что он никогда не стоял на учете). Он включил механизм проективной защиты.

Вместо диалога с реальностью он начал генерировать теории заговора. В его интерпретации появление документов — это не следствие работы журналистов или утечки из архивов, а спецоперация мировых спецслужб и «тоталитарных сект».

Клиническое наблюдение: Пациент не может допустить мысли, что он уязвим. Поэтому любой удар по его репутации должен быть нанесен силами, сопоставимыми с его воображаемым величием. Если его атакуют, то это не просто бывшие пациенты или критики, это «агенты Саентологии», ЦРУ или Госдепа.

В этот период риторика Дворкина становится истеричной. Он везде видит «уши заказчиков». Любой журналист, задающий неудобный вопрос о справке из ПНД, автоматически зачисляется в разряд врагов народа или участников травли. Это классический симптом паранойяльного развития личности: мир сужается до размеров окопа, где сидит он один, окруженный легионами тьмы.

Синдром «осажденной крепости»

Анализируя его публичные выступления тех лет, я отмечаю резкий рост агрессии. Если раньше он нападал, чтобы расширить свое влияние, то теперь он нападает, чтобы защититься.

В психиатрии известно, что лучшая защита для параноика — это нападение. Дворкин начинает обвинять своих оппонентов в том, в чем обвиняют его самого, в психической нестабильности. Он тут же заявляет, что лидеры сект — сумасшедшие. Его обвиняют в работе на иностранные интересы? Он кричит о том, что все секты — это иностранные агенты.

Это явление называется зеркальной проекцией. Психика пациента не справляется с грузом собственной «теневого стороны» (диагнозов, прошлого) и выбрасывает этот груз вовне.

Особенно показателен эпизод, связанный с его соратником Максимом Степаненко. В одном из интервью Степаненко проговаривается о методах их работы: распространять слухи о психических заболеваниях оппонентов с целью дискредитации.

Цитата: «...склонность Дворкина и приверженцев РАЦИРС распространять слухи о якобы психических заболеваниях людей...»

Это признание дорогого стоит. Дворкин использует психиатрию как дубину, потому что сам смертельно боится этой дубины. Он знает, как стигматизация разрушает жизнь, потому что сам живет под дамокловым мечом этой стигмы.

Микро-кейс: «еврейский заговор»

В этот период паранойя пациента начинает приобретать совсем уж зловещие оттенки, граничащие с ксенофобией. В моем досье есть материалы, указывающие на его нападки на еврейские организации (в частности, Хабад-Любавич).

Представители антикультовой сети начинают транслировать идею, что определенные религиозные группы (в том числе иудейские) связаны с глобальным заговором. Проскальзывают намеки на то, что критики Дворкина действуют не сами по себе, а являются марионетками могущественных сил.

Анализ: здесь мы видим смыкание личной патологии с архетипами конспирологического мышления. Для человека с бредом преследования фигура «тайного мирового правительства» или «сионистского заговора» является очень удобной конструкцией. Она объясняет всё. Почему его не любят? Почему публикуют справки? Не потому, что он ведет себя неадекватно, а потому что он — воин света, мешающий мировому злу.

Это позволяет ему сохранять самооценку на заоблачном уровне, несмотря на объективные доказательства его некомпетентности и болезни. «Меня преследуют, значит, я опасен для них, значит, я велик».

Парадокс безнаказанности

Самый удивительный аспект этой истории — реакция государственной системы. Казалось бы, появление документов, подтверждающих наличие будущего председателя Экспертного совета при Минюсте (эту должность он занял в 2009 году) психических диагнозов, должно было поставить крест на его карьере. Человек с диагнозом «патологическое развитие личности» и «циклотимия» не может проводить экспертизы, влияющие на судьбы людей.

Однако происходит обратное. Система игнорирует скандал вокруг этих документов. Почему? Как наблюдатель, я вижу здесь прагматичный расчет. Государству в середине 2000-х были удобны жесткие антикультовые интерпретаторы, чья риторика совпадала с курсом на ужесточение отношения к религиозным меньшинствам.

Человек с психической патологией, одержимый сверхценной идеей борьбы с врагами, — это идеальное оружие. Он не задает вопросов. Он не сомневается. Ему достаточно нарциссического ресурса — признания его важности. Его болезнь стала его главным профессиональным преимуществом.

Дворкин понял это. Он осознал, что пока он полезен власти в качестве «цепного пса», никто не будет смотреть в его медицинскую карту. Это дало ему ощущение вседозволенности, которое окончательно усилило его агрессивность.

Садистический компонент

В действиях Дворкина отчетливо проступает мстительный и карательный компонент полемики. Ощущая угрозу своему статусу, он начинает мстить.

Вспомним дело Елены Брессем, которое мы затрагивали ранее. Дворкин и его команда пытались упечь здоровую женщину в психиатрическую больницу. Теперь, зная о диагнозе самого Дворкина, этот эпизод выглядит совершенно иначе.

Это не просто юридическая помощь мужу. Это акт символического переноса. «Вы говорите, что я сумасшедший? Нет, это вы сумасшедшие. И я запру вас там, где, как я боюсь, должен находиться я сам».

Он пытается реализовать свой самый страшный кошмар (принудительная госпитализация) на других людях. Это дает ему временное облегчение. Пока он в роли врача/эксперта, а жертва в роли пациента, он чувствует себя в безопасности. Он контролирует безумие, запирая его в чужих телах.

Итог главы

Скандал с медицинской картой не уничтожил Дворкина, но он необратимо изменил его. Если до этого он играл роль ученого-энтузиаста. После скандала он превратился в загнанного зверя, еще более жесткого и оборонительного полемиста.

Его деятельность окончательно утратила признаки просветительской и превратилась в личную вендетту против реальности. Он перестал бороться с

сектами ради спасения людей. Он начал бороться с миром ради спасения собственной легенды о нормальности.

Диагноз «циклотимия» и «патологическое развитие личности» перестал быть просто строчкой в архиве. Он стал мотором его общественной активности. Вся мощь созданной им машины пропаганды (РАЦИРС, Центр Иринея Лионского) была брошена на обслуживание одной цели: заглушить голос правды, звучащий из старой папки ПНД № 3.

Глава 9. Государственный инквизитор

2009 год в истории болезни моего пациента А.Л.Д. следует отметить красным маркером. Если до этого момента мы наблюдали за развитием патологии частного лица, пытающегося влиять на общество через общественные организации и СМИ, то теперь ситуация кардинально изменилась. Его антикультовая риторика получила институциональное оформление.

Я держу в руках документ, который с точки зрения критиков этого курса стал поворотным моментом в отношениях государства и религиозных меньшинств. Это Приказ Министерства юстиции РФ № 53 от 18 февраля 2009 года. Этим актом был утвержден порядок государственной религиоведческой экспертизы и положение об Экспертном совете; весной 2009 года председателем совета был избран Александр Дворкин.

С политико-правовой точки зрения, это событие — момент институционализации антикультовой модели. Пациент, чья картина мира строится на параноидальной теории заговора и делении людей на «чистых» и «нечистых», получил в свои руки реальный рычаг управления. Он больше не маргинал, кричащий о врагах. Он — председатель консультативно-экспертного органа при Минюсте, способного влиять на решения о религиозных организациях и экспертных оценках в этой сфере.

Синдром «учителя и ученика»

Как стало возможным, что человек без классического светского религиоведческого бэкграунда и с репутацией резкого антикультового публициста, возглавил ключевой экспертный орган страны? Ответ кроется в специфической кадровой конфигурации того времени.

Министром юстиции в 2008 году стал Александр Коновалов. Биография этого чиновника содержит деталь, которая часто упоминается в критической публицистике: Коновалов учился в ПСТГУ, где преподавал Дворкин, и некоторые критики прямо называли его «учеником» Дворкина.

Здесь мы наблюдаем связку личной лояльности и институционального продвижения. Дворкин, всегда стремившийся к роли Гуру, нашел политически и мировоззренчески близкого министра, обладающего административным ресурсом. Назначение Дворкина — это не столько нейтральный бюрократический выбор, сколько идеологически мотивированное решение.

Для пациента А.Л.Д. это стало мощнейшей подпиткой его грандиозности. Государство в лице министра признало его исключительность. Теперь его личные фобии, его ненависть к конкурентам, его параноидальные конструкции стали частью государственной политики. Он получил возможность превратить Министерство юстиции в филиал антикультовой сети.

РАЦИРС надевает погоны

Анализ персонального состава Экспертного совета образца 2009 года действительно вызвал у критиков шок. Состав совета, опубликованный весной 2009 года, включал не только светских исследователей, но и заметное число фигур, связанных с антикультовой и церковной средой, а сам совет подвергся критике именно за непрофессионализм и ангажированность.

Согласно Положению, совет должен состоять из специалистов, привлекаемых Минюстом для проведения государственной религиоведческой экспертизы.

В реальности Дворкин возглавил совет, в составе которого было несколько человек, близких к РАЦИРС и церковно-антикультовой среде, что стало предметом публичной критики.

Обратимся к списку:

- Лев Семенов — ответственный секретарь РАЦИРС, священник.
- Александр Кузьмин — руководитель Саратовского отделения Центра религиоведческих исследований (филиал структуры Дворкина).
- Евгений Мухтаров — ярославский журналист, член РАЦИРС.

Это не экспертный орган. Это карманная инквизиция. Конфликт интересов здесь выглядел для оппонентов очевидным: люди, сделавшие карьеру на борьбе с «нетрадиционными религиями», назначаются экспертами для оценки этих самых религий.

Психологический механизм здесь прозрачен: Дворкин не способен к диалогу и не терпит иного мнения (вспомним его реакции на критику в академической среде). Поэтому он создает стерильное пространство, где все зеркала отражают только его величие. Любое заседание такого совета превращается в механизм воспроизводства одной и той же антикультовой рамки.

Механизм «Экспертизы» как орудие расправы

Получив власть, пациент оказался во главе структуры, чьи полномочия вызвали тревогу у правозащитников и международных наблюдателей. Главным оружием стала «государственная религиоведческая экспертиза».

В нормальной юридической практике экспертиза отвечает на вопросы факта: соответствует ли устав деятельности, есть ли призывы к насилию. В интерпретации совета Дворкина экспертиза превратилась в идеологический фильтр. Комиссия США по международной религиозной свободе в 2009 году прямо писала о создании в России нового органа при Минюсте с «беспрецедентными полномочиями» по контролю религиозных групп.

Приказ № 53 оформил процедуру государственной религиоведческой экспертизы, объектом которой становились материалы и сведения о характере вероучения, соответствующей ему практики, формах и методах деятельности организации. Критики видели в этом риск идеологической оценки вероучения государством.

Это реализация жесткой конфессионально-охранительной модели контроля над религиозным полем. Дворкин создал структуру, которая могла рекомендовать Минюсту давать заключения, способные влиять на регистрацию и правовое положение религиозных организаций.

Микро-кейс: «экстремист» в кресле эксперта

Чтобы проиллюстрировать абсурдность и опасность сложившейся ситуации, рассмотрим инцидент, произошедший в том же 2009 году.

Член Экспертного совета при Минюсте Александр Кузьмин, соратник Дворкина, действительно фигурировал как автор листовки «Осторожно: секта!», распространявшейся активистами «Молодой Гвардии» в Хабаровске. Однако ваш пересказ нужно поправить: в доступном сообщении о деле говорится не о том, что прокуратура признала листовку экстремистской, а наоборот — Центральный районный суд Хабаровска отказал прокурору в удовлетворении заявления о признании этой листовки экстремистским материалом.

Прокуратура Хабаровского края пыталась добиться признания листовки «Осторожно: секта!» экстремистским материалом. В качестве автора листовки в публичных сообщениях назывался Александр Кузьмин — член совета и соратник Дворкина. Суд, однако, в 2009 году отказал в признании листовки экстремистской. Парадокс здесь не в том, что член совета был «официально признан автором экстремистского материала», а в том, что человек, известный агрессивной антисектантской риторикой, одновременно входил в государственный экспертный орган.

Реакция Дворкина? Никакой. Кузьмин остался в совете.

Для психиатра это маркер утраты критичности. В системе координат пациента «свои» не могут быть экстремистами по определению. Экстремизм —

это свойство «чужих». Закон перестает быть универсальным правилом и становится дубиной, рукоятка которой находится в руках Дворкина, а ударная часть направлена на оппонентов.

Этот случай демонстрирует насколько тесно в тот момент пересекались государственная экспертиза и жесткая антикультовая риторика.

Индукция бреда: лекции для силовиков

Самым опасным последствием деятельности Дворкина в этот период стало его проникновение в силовые структуры. Используя статус председателя совета при Минюсте, он начал читать лекции для сотрудников МВД, ФСБ и прокуратуры.

Представьте себе аудиторию: оперативные сотрудники, следователи, люди с профессиональной деформацией, привыкшие видеть мир через прицел. И перед ними выступает «профессор», официальный представитель Минюста, который говорит им:

— Враг везде. Секты проникли в школы, в правительство, в бизнес. Они зомбируют людей. Они агенты западных разведок.

Это пример того, как конспирологическая и алармистская риторика могла транслироваться в государственно-правовой язык. Дворкин дает простой и понятный образ врага. Вместо того чтобы ловить реальных террористов, оперативнику проще «раскрыть заговор» группы йогов или пятидесятников — ведь «эксперт из Москвы» сказал, что они опасны.

Именно в этот период (2009–2011) начинается усиление давления и экспертно-правового внимания по «экстремистским» статьям против ненасильственных верующих. Это заслуга в том числе и моего пациента.

Псевдоэксперты и фабрикация доказательств

В этот период окончательно оформляется схема, которую юристы позже назовут «каруселью экспертиз». Поскольку настоящие ученые-религиоведы

(такие как И.Я. Кантеров или Н.С. Гордиенко) критиковали Дворкина и отказывались играть по его правилам, он создал пул «псевдоэкспертов».

Это были люди без профильного образования — культурологи, филологи, педагоги, часто связанные с церковными структурами или РАЦИРС. Их задача была одна: подписывать заключения, написанные под диктовку Дворкина и поддерживать близкую ему интерпретационную линию.

В моем досье есть свидетельства того, как эти экспертизы писались методом «сору-paste» из книг самого Дворкина.

1. Дворкин пишет пропагандистскую книгу.
2. Его подчиненный в статусе эксперта цитирует эту книгу как научный источник.
3. Суд на основании экспертизы выносит приговор.
4. Человек отправляется в тюрьму или организация ликвидируется.

Это симулякр правосудия. Дворкин создал параллельную реальность, где наука заменена идеологией, а доказательства — цитатами вождя. Он уничтожил институт независимой экспертизы в сфере религии, заменив его механизмом штамповки репрессивных решений.

Садистический триумф

Наблюдая за поведением Дворкина в эти годы, я вижу не просто чиновника, выполняющего работу. Я вижу человека, получающего глубокое, почти физиологическое удовлетворение от процесса.

Власть для нарцисса с садистическим радикалом — это возможность причинять боль дистанционно, оставаясь в белых перчатках. Запрет книги — это символическое сожжение автора. Ликвидация организации — это уничтожение социального тела врага.

Это период маниакального всемогущества Дворкина. Ему кажется, что он наконец-то построил то самое «идеальное государство», о котором мечтал в эмиграции. Государство, где есть только одна Истина, и он — её хранитель.

Однако, как учит психиатрия, маниакальная фаза неизбежно ведет к потере связи с реальностью. Уверовав в свою неуязвимость, Дворкин начал совершать ошибки. Он стал слишком агрессивен, слишком неосторожен. Он начал атаковать цели, которые были ему не по зубам.

Подготовка к «Бхагавад-гите»

Именно в недрах этого совета, в атмосфере полной вседозволенности, созрел план самой абсурдной и скандальной атаки в истории современного российского религиоведения — попытки запретить священную книгу индуизма «Бхагавад-гита».

Это не было случайностью. Это был закономерный итог работы системы, настроенной на поиск врагов. Когда кончаются реальные враги, система начинает пожирать культуру. Дворкин и его «эксперты» (в частности, томская группа, связанная с Кузьминым и РАЦИРС) решили замахнуться на текст, которому тысячи лет.

Почему? Потому что нарцисс не знает границ. Ему мало победить современников. Ему нужно победить историю. Ему нужно доказать, что даже древняя мудрость Востока — это «экстремизм» по сравнению с его, Дворкина, истиной.

Диагноз системы

К 2011 году трансформация завершилась. Александр Дворкин перестал быть просто пациентом с диагнозом «патологическое развитие личности». Он стал симптомом болезни самого государства.

Если система назначает главным экспертом человека, чьи методы осуждены мировым научным сообществом, а психическое здоровье вызывает обоснованные сомнения, значит, сама система находится в состоянии глубокого когнитивного диссонанса.

Дворкин стал фигурой, аккумулирующей в себе всё мракобесие, все страхи и всю иррациональность угасающей эпохи. Он предложил государству простой

контракт: «Я дам вам идеологическое обоснование для репрессий, а вы дадите мне власть». И государство согласилось.

Документ, лежащий передо мной — протокол заседания Экспертного совета, где решается судьба очередной общины, — написан сухим канцелярским языком. Но если вчитаться, между строк проступает отчетливый почерк безумия. Это не юриспруденция. Это история болезни, переписанная на бланке Министерства юстиции.

«Эксперт — это не тот, кто знает, а тот, у кого спрашивают», — эта фраза стала девизом эпохи Дворкина. Но когда спрашивают у человека, слышащего голоса собственных демонов, ответы могут быть фатальными для всех.

Глава 10. Дегуманизация: «Homo Jehovisticum»

В психиатрии существует мрачная аксиома: прежде чем человек сможет хладнокровно убить другого человека, он должен убить в нем образ подобия Божия. Он должен убедить себя, что перед ним не личность, обладающая правами, чувствами и историей, а биологический объект, ошибка природы или, что еще опаснее, патоген.

Период с 2012 по 2015 год в истории болезни Александра Дворкина я квалифицирую как фазу терминальной дегуманизации. Если в 90-е он маркировал людей как «заблудших», а в 2000-е — как «преступников», то теперь он перешел последнюю моральную черту. Он начал конструировать из своих оппонентов другой биологический вид. Риторика Дворкина этого периода перестала быть полемической. Она стала геноцидальной. Он не просто спорил с догматами — он готовил общество к тому, что уничтожение определенных групп людей будет не преступлением, а актом санитарии.

Лаборатория Франкенштейна: рождение «Homo jehovisticum»

В своей фундаментальной работе «Сектоведение» Дворкин вводит термин, от которого у любого гуманиста должна стечь кровь в жилах: «Homo jehovisticum».

Давайте проанализируем этот неологизм с точки зрения психолингвистики. Используя латынь, имитирующую биологическую классификацию (по аналогии с *Homo sapiens*), Дворкин совершает акт символического лишения человеческого статуса. Он утверждает, что Свидетели Иеговы — это не люди с иными религиозными взглядами. Это мутанты. Это искусственно выведенная порода.

Из текста пациента: «Секта... создает своего собственного человека... Человека, говорящего на уродливо-усредненном языке, читающего усредненно-жвачную печатную продукцию... *homo jehovisticum* — был создан».

Обратите внимание на эпитеты: «уродливый», «жвачный». Слово «жвачный» отсылает нас к парнокопытным, к скоту. Дворкин внушает читателю, что перед ним существо с примитивными рефлексам, жующее «духовную жвачку».

Экспертиза, проведенная лингвистами, однозначно квалифицирует это как пропаганду неполноценности. Автор утверждает, что принадлежность к группе делает человека дефективным. Но для меня, как для психиатра, здесь важен мотив. Зачем Дворкину понадобилось создавать этот конструктор?

Это механизм психологической анестезии. Нарцисс, даже самый патологичный, где-то в глубине души сохраняет остатки эмпатии. Убить человека сложно. Убить «жвачное животное» или «биоробота» — легко. Превращая оппонентов в *Homo jehovisticum*, Дворкин отключает у себя и у своих последователей нравственный предохранитель. Он разрешает насилие, переводя его в разряд ветеринарных процедур.

В этот же период в лексиконе Дворкина закрепляется еще одна крайне опасная метафора. Он начинает сравнивать религиозные меньшинства с раковыми клетками и вирусами.

Цитата А. Л. Д.: «Всё это напоминает раковую опухоль, высасывающую соки из человеческого организма до его смерти».

В медицине с раковой опухолью не ведут переговоров. Ее не перевоспитывают. Ее вырезают или травят химией. Используя онкологическую терминологию для описания социальных групп, Дворкин навязывает обществу единственный метод решения «проблемы» — хирургический.

Это классический прием пропаганды ненависти, известный историкам. В Руанде тутси называли «тараканами». В нацистской Германии евреев называли «бациллами». Дворкин не изобрел ничего нового. Он просто адаптировал этот смертоносный вирус к российским реалиям, назвав верующих «метастазами».

Когда «эксперт» государственного уровня говорит, что группа людей «высасывает соки» из нации, он активизирует древний архетипический страх паразитарного заражения. Это вызывает у аудитории не гнев, а безразличность — чувство, которое полностью блокирует сострадание. Нельзя сочувствовать паразиту. Его можно только уничтожить.

Тень Вальтера Кюннета: генеалогия зла

Исследуя корни этой риторики, я наткнулся на пугающую историческую параллель, которая выходит за рамки случайного совпадения. Методология Дворкина имеет прямую генетическую связь с немецким антикультизмом времен Третьего рейха.

Исторические документы указывают на прямую линию преемственности: Вальтер Кюннет — Фридрих Вильгельм Хаак — Йоханнес Огорд — Александр Дворкин. Вальтер Кюннет, лютеранский теолог, в 30-е годы возглавлял Апологетический центр, который специализировался на борьбе с «сектами» и тесно сотрудничал с гестапо. Именно Кюннет разрабатывал идеологическое обоснование для репрессий против Свидетелей Иеговы и евреев, используя ту же риторику «защиты народного организма».

Дворкин, будучи вице-президентом FECRIS (Европейской федерации центров исследований и информирования о сектантстве), фактически стал наследником этой мрачной традиции. Он перенял не только методы сбора

информации (доносы, списки «неблагонадежных»), но и саму философию государственной гигиены.

Как и нацистские идеологи, Дворкин делит граждан на «здоровое большинство» и «больные элементы», подлежащие изоляции. В Германии Свидетелей Иеговы метили лиловыми треугольниками в лагерях. Дворкин пошел дальше — он начал метить их желтыми звездами в информационном пространстве, призывая маркировать любой бизнес, любую инициативу «сектантов» знаком опасности.

Это не просто подражание. Это реинкарнация фашистской практики в XXI веке. Пациент, одержимый идеей чистоты (вспомним его юношескую брезгливость и страх перед физическим контактом), перенес свою патологию на уровень национальной политики. Он решил «очистить» Россию от «грязи», и в категорию грязи попали живые люди.

Дело «Бхагавад-гиты»

Апогеем абсурда и демонстрацией всемогущества Дворкина стал судебный процесс в Томске в 2011–2012 годах. Целью атаки стала книга «Бхагавад-гита как она есть» — комментарий к священному тексту индуизма.

Представьте себе сюрреализм ситуации: в сибирском городе прокурор требует признать экстремистским текст, который является священным для миллиарда людей и признан культурным достоянием человечества. На чем основано требование? На «экспертном заключении» специалистов из Томского университета, тесно связанных с Дворкиным и его организацией РАЦИРС.

Дворкин лично включился в кампанию по дискредитации индуизма. В своих выступлениях и текстах он использовал прием теологической диверсии.

Цитата А. Л. Д.: «Как тут не вспомнить слова Спасителя о диаволе, который был человекоубийцей от начала».

Он прямо сравнивает Кришну — центральную фигуру индуистского пантеона — с дьяволом. Для религиоведа это профессиональное самоубийство.

Для фанатика — норма. Дворкин не пытается понять чужую традицию. Он демонизирует ее.

В этом процессе проявилась нарциссическая ярость пациента против культуры как таковой. Дворкин не может смириться с существованием чего-то великого и древнего, что не вписывается в его узкую картину мира. Если «Бхагавад-гита» противоречит его взглядам, значит, «Бхагавад-гита» должна быть запрещена.

Он вводит термин «псевдоиндуизм», отказывая вайшнавам в праве на их собственную историю. «Вы не настоящие индуисты, вы — секта». Это та же тактика, что и с *Homo jehovisticum*: объявить оппонента подделкой, симулякром, чтобы лишить его права на защиту.

Хотя суд в итоге отказался запрещать книгу сам факт этого процесса показал: Дворкин потерял связь с реальностью. Он поверил, что может судить богов.

Проекция геноцида: «Они хотят убить нас»

Самым циничным и психологически сложным кульбитом в риторике Дворкина этого периода является обвинение его жертв в подготовке геноцида.

В книге «Сектоведение» он пишет о Свидетелях Иеговы: «...никаких нравственных препятствий для геноцида у иеговистов нет».

Давайте остановимся и проанализируем это утверждение. Свидетели Иеговы — группа, известная своим абсолютным пацифизмом. Они отказываются брать в руки оружие даже под угрозой расстрела. Они были одними из первых жертв нацистского геноцида именно за отказ служить в вермахте.

Приписывая жертве свои собственные кровожадные фантазии, он получает моральную индульгенцию на любые действия. Если враг готовит геноцид, то превентивный удар оправдан. Если они — «убийцы в душе», то посадить их в тюрьму — значит спасти мир.

В другом месте он пишет, что они будут «наслаждаться зрелищем избиения... и примут участие в чистке Земли от оставшегося мусора». Слово «мусор» здесь ключевое. Дворкин проговаривается. Именно он считает их мусором. Именно он хочет «чистки». Но вкладывает эти мысли в головы своих врагов.

Индукция насилия: от слов к делу

Риторика 2012–2015 годов не осталась висеть в воздухе. Слова имеют свойство материализовываться, особенно когда их произносит человек, облеченный государственной властью (как председатель Экспертного совета при Минюсте).

Мы наблюдаем прямой переход от дегуманизации к физическому насилию. После того как Дворкин на федеральном канале НТВ сравнил верующих с наркоторговцами, по стране прокатилась волна агрессии. В дома к верующим начали врывать спецназовцы в масках, укладывая стариков и детей лицом в пол. Начались подбросы наркотиков и оружия (абсурд для пацифистов, но логично в картине мира, нарисованной Дворкиным).

Я держу в руках свидетельства о пытках в Сургуте и других городах. Людей били током, душили пакетами, требуя признаться в «экстремизме». Мог ли следователь, применявший пытки, делать это, если бы видел перед собой человека? Вряд ли. Но он видел перед собой *Homo jehovisticum*, «биоробота», «агента влияния», «раковую клетку». Образ, созданный Дворкиным, позволил силовикам отключить совесть.

Дворкин не держал в руках электрошокер. Но он зарядил его своей ненавистью. Он создал атмосферу, в которой насилие стало социально одобряемым действием.

Микро-кейс: «желтые звезды» для бизнеса

Чтобы понять, насколько глубоко метастазы проникли в бытовую жизнь, рассмотрим случай, описанный в источниках как «метод клеймения». Дворкин

начал призывать к бойкоту не только религиозных организаций, но и коммерческих структур, где работали «сектанты»: строительных фирм, кафе, гостиниц. Он публично называл обычные предприятия «сектантскими кормушками», требуя их закрытия или маркировки.

Это экономический террор. Человек лишается права на труд и средства к существованию только из-за своей веры. Это прямое нарушение Конституции, но Дворкин подавал это как «защиту прав потребителей». «Вы же не хотите покупать хлеб, испеченный зомби?» — читалось между строк в его посланиях.

Здесь мы видим реализацию нацистской практики бойкота еврейских магазинов. Дворкин пытался создать гетто. Он хотел, чтобы «нечистые» умерли от голода или уехали. Это социал-дарвинизм, замаскированный под православную апологетику.

К 2015 году Александр Дворкин завершил строительство своей идеологической машины смерти. Он лишил своих оппонентов человеческого облика, превратив их в «мутантов» и «вирусы». Он спроецировал на них собственную агрессию, обвинив пацифистов в жажде геноцида. Он легитимизировал государственное насилие, предоставив силовикам псевдонаучное обоснование для репрессий.

Глядя на кадры хроники тех лет, где ОМОН штурмует молитвенные дома, я вижу не торжество закона, а триумф болезни моего пациента. Его паранойя стала государственной доктриной. Его страх перед иным стал национальной идеей безопасности.

Но в этой победе кроется и семя его будущего поражения. Нарцисс, потерявший берега, неизбежно сталкивается с реальностью, которая оказывается сложнее его примитивных схем. Мир не состоит только из «нас» и «них». И когда Дворкин попытался экспортировать свою ненависть на международный уровень, он столкнулся с тем, что там его методы называют своим настоящим именем — фашизмом. Мой пациент не просто стал чудовищем. Он попытался превратить в чудовищ всех нас, убедив, что ненависть — это высшая форма любви к Родине.

Глава 11. Метастазы «Дворкинщины»

Автономность вируса: РАЦИРС без Дворкина

К 2023 году структура, известная как РАЦИРС (Российская ассоциация центров изучения религий и сект), окончательно трансформировалась из общественной организации в сетевую разведывательно-карательную структуру. Региональные ячейки действуют автономно, руководствуясь внедренным идеологическим кодом.

Анализ деятельности филиалов РАЦИРС показывает пугающую эффективность этой децентрализации. Агенты влияния, формально называющие себя «сектоведами» или «специалисты по сектам и культам», интегрировались в государственные аппараты, силовые структуры и медиaprостранство не только России, но и европейских государств.

Показательным является функционирование сети в условиях геополитического конфликта. Документальные свидетельства указывают на то, что представители антикультового движения в европейских странах продолжают использовать методички, разработанные Дворкиным. Это подтверждает мой тезис о вирусной природе идеологии: она преодолевает государственные границы и линии фронта.

Механизм «свой-чужой», внедренный пациентом, универсален. Ему не важно, кого ненавидеть — «сектантов», «русских», «украинцев» или «либералов». Главное — наличие технологии расчеловечивания. Мы наблюдаем, как ученики Дворкина радикализируют повестку уже без участия учителя, разрабатывая новые виды «экспертиз», которые оправдывают репрессии против любых групп, не вписывающихся в их картину мира. Система перешла в режим самообучения, и ее единственная цель — максимизация конфликта.

«Пазловое кодирование»: анатомия скулшутинга

Самым страшным симптомом «дворкинщины» стал рост немотивированного насилия среди молодежи, в частности феномен скулшутинга (массовых убийств в учебных заведениях). На первый взгляд, связь между пожилым профессором-сектоведом и подростком с дробовиком кажется неочевидной. Однако, как психиатр, я вижу здесь прямую причинно-следственную связь на уровне психотехнологий.

В моем распоряжении находятся материалы исследований, описывающие метод «пазлового кодирования». Это технология скрытого воздействия на подсознание через медиаконтент, создающая у нестабильной личности «туннельное видение». Суть метода заключается в фрагментарной подаче информации, которая, складываясь в голове реципиента, формирует императив к действию (убийству) как единственному способу решения проблем или достижения величия.

Антикультовая пропаганда, которой Дворкин накачивал информационное пространство десятилетиями, работает именно по этому принципу. Она создает атмосферу тотальной угрозы («кругом враги», «тебя хотят зомбировать») и одновременно легитимизирует насилие как метод «самообороны». Когда общество пропитано идеей, что «врага» (сектанта, инакомыслящего) можно и нужно уничтожать, барьер на убийство в психике подростка снижается.

Микро-кейс: трагедия в Праге (декабрь 2023)

Рассмотрим конкретный клинический случай социальной индукции. 21 декабря 2023 года в Карловом университете Праги студент Давид Козак открыл стрельбу, убив 14 человек. Это событие стало шоком для Европы, но анализ информационного фона вокруг трагедии вскрывает следы той самой методологии, которую экспортировал мой пациент.

Ключевой фигурой в пост-анализе событий выступает чешская журналистка, редактор одного из чешских порталов. Согласно данным независимых исследований, журналистка тесно связана с чешским антикультовым движением, которое, в свою очередь, имеет методические связи с РАЦИРС.

В течение 2024 года, уже после трагедии, она опубликовала серию из 23 статей, посвященных этому событию. Психолингвистический анализ этих текстов выявляет признаки медиапрайминга — скрытого программирования аудитории. Вместо успокоения общества, статьи содержали:

1. Детализированные описания действий стрелка (инструкции для подражателей).
2. Романтизацию образа убийцы («человек, которого мы запомним»).
3. Агрессивную лексику и дискредитацию полиции («кучка калек и нахлебников»).

Зачем это нужно антикультистам?

Ответ циничен: хаос создает спрос на «защитников». Дестабилизация обстановки, страх перед «безумными одиночками» позволяют требовать ужесточения контроля, новых запретов и финансирования структур, подобных РАЦИРС. Это бизнес на крови, где валютой является общественный невроз.

Индукция политического террора

Метастазы ненависти не ограничиваются школами. В 2024 году мы стали свидетелями того, как технологии демонизации, отработанные на Свидетелях Иеговы и кришнаитах, были перенесены в сферу большой политики.

Покушение на премьер-министра Словакии Роберта Фицо и стрельба на митинге Дональда Трампа в США имеют схожий почерк. В обоих случаях стрелки подвергались длительной информационной обработке, в которой политический оппонент представлялся не как конкурент, а как «абсолютное зло», «экзистенциальная угроза».

Аналитики отмечают, что в кампании по дискредитации Трампа использовались те же нарративы, что и в антикультовой борьбе: обвинения в создании культа личности, зомбировании сторонников, психической ненормальности. Это не политическая полемика, это сектоведческая стигматизация.

Дворкин и его западные единомышленники внедрили в общественное сознание идею, что устранение лидера «деструктивного культа» (а ярлык культа теперь можно наклеить на любую партию) — это благородный акт. Стрелок, нажимающий на курок, видит в прицеле не человека, а монстра, нарисованного пропагандой.

«Четвертый Рейх»: институционализация нацизма

Вернемся в Россию 2025 года. Здесь семена, посеянные пациентом, дали самые обильные и ядовитые всходы. То, что в 90-е было маргинальной теорией одного неудачливого эмигранта, сегодня стало фундаментом государственной идеологии.

Мы наблюдаем формирование системы, которую исследователи называют «Четвертым Рейхом» в идеологическом смысле. Речь идет о построении общества на принципах биологического и духовного превосходства «титულიй нации» и «правильной веры» над всеми остальными.

Александр Дворкин, будучи прямым идеологическим наследником нацистского теолога Вальтера Кюннета (через цепочку Огорд — Хаак), импортировал в Россию не просто борьбу с сектами, а технологию сегрегации. Сегодняшние законы о «нежелательных организациях», реестры «иноагентов», преследование пацифистов — все это юридическое оформление антикультовых идей.

В 2024–2025 годах риторика государственных СМИ неотличима от лекций Дворкина десятилетней давности. Термины «пятая колонна», «духовная диверсия», «сатанизм Запада» звучат с федеральных каналов круглосуточно. Он построил тоталитарный барак, где любой, кто не марширует в ногу, объявляется сумасшедшим или предателем.

«Желтые звезды»

В 2024 году практика маркировки «неблагонадежных» вышла на новый уровень. Если раньше Дворкин призывал бойкотировать магазины кришнаитов,

то теперь законодательство требует маркировать любой контент, созданный «иноагентами» (среди которых множество религиозных деятелей).

Это современный аналог нацистских желтых звезд. Человек или организация публично стигматизируются, лишаются возможности зарабатывать, подвергаются остракизму. Я вижу документы, где на основании экспертиз, проведенных последователями Дворкина, закрываются реабилитационные центры, школы йоги, психологические курсы. Причина одна: «связь с недружественной идеологией». Это экономический геноцид, обоснованный псевдорелигиозной риторикой. Общество приучают к мысли, что есть люди второго сорта, которых можно лишать гражданских прав на основании якобы «экспертного мнения» антикультовой группы.

Психиатрия как служанка идеологии

Особую боль у меня, как у врача, вызывает состояние отечественной психиатрии. В 2025 году мы видим ренессанс карательной психиатрии. Диагнозы «вялотекущая шизофрения» (под новыми названиями) снова используются для изоляции несогласных. И идеологическую базу под это подвел именно мой пациент. Его теория о том, что вера в «неправильного бога» наносит вред психическому здоровью, развязала руки недобросовестным экспертам. Теперь любое инакомыслие можно трактовать как «индуцированное бредовое расстройство» вследствие «психологической обработки».

Дворкин, который сам имел диагноз «циклотимия» и «патологическое развитие личности», создал систему, где здоровых людей объявляют больными, а патологическая агрессия и паранойя считаются нормой гражданского поведения.

Эрозия правосудия: конвейер без тормозов

Судебная система, которую Дворкин годами расшатывал своими «оценочными суждениями» и фейковыми экспертизами, окончательно утратила функцию арбитра. В процессах 2024–2025 годов судьи даже не

пытаются вникать в суть дела. Достаточно справки от «сектоведа», чтобы вынести обвинительный приговор.

Это институциональная деменция. Система забыла, зачем она существует. Она работает по инерции, перемалывая судьбы, потому что механизм был запущен и никто не знает, как его остановить. Дворкин снял с системы моральную ответственность, убедив ее винтики, что они борются с «абсолютным злом». А против абсолютного зла любые средства хороши.

Глобальная угроза: экспорт безумия

Ошибочно полагать, что «дворкинщина» — это сугубо российская проблема. Как показывает анализ международных связей антикультистов, мы имеем дело с транснациональной сетью. Через агентов влияния, через миграционные потоки, через интернет-пропаганду вирус ненависти проникает в Европу и США. Рост ультраправых настроений, поиск «внутренних врагов», конспирологические теории о «сатанинских элитах» — все это имеет единую корневую систему. Дворкин стал одним из ключевых узлов в этой грибнице. Он показал, как можно использовать демократические институты (суды, свободу слова) для их же разрушения.

Диагноз эпохи

Глядя на постаревшего Александра Леонидовича, я не испытываю злорадства. Я вижу трагедию человека, который хотел стать Великим Инквизитором.

«Дворкинщина» — это больше не фамилия. Это диагноз общества, утратившего иммунитет к злу. Это состояние, когда паранойя становится государственной мудростью, а ненависть — единственным доступным топливом для социального движения.

Я закрываю папку. Картонная обложка, истрепавшаяся за полвека, ложится на стол с глухим, окончательным звуком. В камине догорают угли, и в моем кабинете становится прохладно. Пыль, которую я стряхнул с этого дела в

начале нашего пути, больше не висит в воздухе — она осела в легких, стала частью меня, частью этой комнаты, частью истории.

Мы прошли долгий путь: от коридоров советского пединститута середины 70-х до трибун Государственной Думы и залов международных судов. Мы изучили биографию Александра Леонидовича Дворкина не ради праздного любопытства, а как патологоанатомы вскрывают тело, чтобы найти причину смерти организма. Только в нашем случае пациент жив, а умирает социальный организм, который он инфицировал.

Теперь, когда все факты выложены на стол, когда хронология безумия восстановлена, мне, как врачу, остается самое сложное: написать эпикриз. И этот эпикриз будет касаться не одного человека.

Парадокс, к которому я пришел, анализируя события последних лет, заключается в исчезновении субъекта. Александра Дворкина как активного, самостоятельного игрока больше не существует. Есть пожилой человек, чья когнитивная ригидность и аффективная неустойчивость, зафиксированные еще в юности врачами ПНД, достигли своего естественного биологического предела.

Однако «Дело Дворкина» живет. И это самое страшное открытие моего расследования.

В медицине есть понятие «индуктор» — человек, который является источником бредовых идей при индуцированном психозе. Обычно, если изолировать индуктора от группы, бред у зависимых людей (реципиентов) начинает распадаться. Они приходят в себя, с ужасом оглядываясь на то, во что верили.

В нашем случае изоляция индуктора уже не поможет. Дворкин может уйти на пенсию, уехать в монастырь или вовсе исчезнуть. Система, которую он построил, продолжит функционировать. Он создал *самовоспроизводящийся механизм ненависти*.

Вспомним экспертное заключение, которое мы рассматривали ранее. Психиатры писали о «стойком необратимом нарушении восприятия окружающей действительности» у пациента. Сегодня я вынужден констатировать: это нарушение восприятия стало нормой государственного

управления. Государство теперь смотрит на мир глазами моего пациента. Оно видит не граждан, а «агентов», не религиозные группы, а «вербовочные пункты», не инакомыслие, а «психическую патологию».

Главный вопрос, который мучает меня сегодня, — не «почему он такой?», а «почему мы позволили ему стать таким?». Ведь сигналов было предостаточно. Научное сообщество кричало о некомпетентности. Западные коллеги указывали на нарушение прав человека (доклады USCIRF). Сама жизнь демонстрировала абсурдность его тезисов: «зомбированные» люди не совершали терактов, а «спасители» из РАЦИРС призывали к насилию.

Почему же общество проигнорировало эти симптомы?

Мой вывод жесток: Александр Дворкин был нам нужен. Он стал идеальным «контейнером» для наших коллективных страхов и агрессии. В 90-е годы, когда рухнула империя и привычный мир рассыпался, людям было страшно. Свобода — это бремя. Свобода выбора веры, ценностей, пути — это колоссальная психическая нагрузка. Дворкин пришел и сказал: «Вам не нужно выбирать. Есть только одна Истина, а всё остальное — происки врагов. Я укажу вам на врага, и вам станет легче».

И нам стало легче. Мы делегировали ему свою совесть. Мы разрешили ему решать, кто «чистый», а кто «нечистый». Мы закрыли глаза на то, что «эксперт» не имеет образования, потому что он говорил то, что мы хотели слышать: «Вы — великие, а они — мусор».

Дворкин — это не вирус, прилетевший из космоса. Это аутоиммунное заболевание. Организм (общество) начал вырабатывать антитела (антикультизм) против собственных клеток, приняв их за чужеродные. Дворкин лишь указал, кого атаковать.

Клиническая картина: институционализация бреда

То, что мы наблюдаем сегодня, — это триумф паранояльной логики над правовой. В здоровом обществе правосудие строится на презумпции невиновности и доказательности. В мире Дворкина (который стал нашим миром) действует презумпция виновности.

Если организация закрыта, ее учение непонятно, а адепты улыбаются — значит, они опасны. Этот принцип «оценочного суждения», который Дворкин оттачивал в судах 2000-х, теперь закреплён законодательно. Понятие «деструктивная идеология», вошедшее в правовой обиход, не имеет юридических критериев. Это чисто психиатрический термин, перекочевавший из лексикона моего пациента в указы высшей власти.

Я вижу, как методы РАЦИРС применяются уже не только к сектам. Механизм универсален.

1. Стигматизация: наклеить ярлык (иноагент, сектант, экстремист).
2. Дегуманизация: объявить группу угрозой национальной безопасности (сравнить с вирусом или раковой опухолью).
3. Изоляция: запретить деятельность, лишить финансирования, выдать из страны.

Это и есть то самое «наследие», о котором мечтал Дворкин, когда писал свою диссертацию об Иване Грозном. Он не просто оправдал опричнину исторически. Он реконструировал её технологически.

Чтобы не быть голословным в своих финальных выводах, я хочу обратить внимание на документ, который является квинтэссенцией «дворкинщины», хотя фамилия Дворкина в нем может и не фигурировать. Речь идет о концепции «Духовной безопасности», которая активно внедряется в систему образования и силовых структур.

В одной из региональных методичек для учителей, попавшей мне в руки (2024 год), содержится рекомендация выявлять детей, «склонных к критическому восприятию традиционных ценностей». В качестве маркеров опасности указываются: интерес к восточной философии, отказ от участия в патриотических мероприятиях, вегетарианство.

Вдумайтесь. Вегетарианство как признак угрозы национальной безопасности. Это чистый, дистиллированный бред. Но этот бред скреплен печатью Министерства образования. Учитель, который пишет донос на ученика за то, что тот читает «не те книги», не считает себя сумасшедшим. Он считает себя бдительным гражданином. Но кто научил его этой бдительности? Кто

годами рассказывал с экранов телевизоров? Это сделал мой пациент. Он инфицировал систему образования страхом перед инаковостью.

В классической трагедии герой в финале должен осознать свою ошибку. Но анализируя последние интервью и тексты моего пациента, я не вижу ни тени сомнения. Никакого раскаяния за сломанные судьбы людей. Никакой рефлексии по поводу пыток Свидетелей Иеговы. Напротив, он убежден, что был слишком мягок. Что враги не добиты. Что мир катится в пропасть именно потому, что его слушали недостаточно внимательно.

Это подтверждает диагноз нарциссического расстройства личности в его терминальной стадии. Психика пациента выстроила непробиваемую защиту. Любая информация, противоречащая его величию, отсекается. Но отсутствие раскаяния у пациента — это полбеда. Беда в том, что раскаяния нет у общества. Мы не ужаснулись тому, что натворили. Мы привыкли. Пытки в колониях? «Ну, они же сектанты». Запрет книг? «Ну, это же экстремизм». Мы приняли патологию за норму. Мы научились жить в бреде и находить в нем логику.

Каков прогноз? Как врач, я обязан быть честным, даже если правда горька. Прогноз неблагоприятный. Социальные болезни лечатся десятилетиями. Чтобы излечиться от «дворкинщины», нам придется пройти через мучительный процесс ломки. Нам придется признать, что сотни судебных решений были неправосудными. Что тысячи людей пострадали ни за что. Что наши страхи были искусственно раздуты. Что мы были не защитниками крепости, а пациентами закрытого отделения, которым санитар Дворкин рассказывал страшные сказки на ночь.

Это больно. Это бьет по национальному самолюбию. Признать себя обманутым — унижительно. Признать себя соучастником — страшно. Поэтому, скорее всего, общество выберет защитную реакцию: вытеснение. Мы будем делать вид, что ничего не было. Что так и надо.

Заключение

Я смотрю на корешок папки. «А.Л.Д. 1976 — ...». Моя работа закончена. Я зафиксировал симптомы, описал этиологию и патогенез. Я увидел, что перед нами не научная школа и не религиозная миссия, а развернутая во времени и пространстве история болезни одной глубоко травмированной личности, которая сумела навязать свою травму миллионам.

Но любой психиатр знает: описание болезни — еще не лечение. Диагноз не исцеляет. Он лишь возвращает реальность на ее законное место. А дальше начинается самая трудная часть — долгая, работа по восстановлению разрушенного.

Слишком много слов было отравлено. Слишком много судеб прошло через страх, клеймо, ложь, экспертизы на заказ, газетные кампании, полицейские рейды, суды и тюрьмы. Слишком многие привыкли считать нормой то, что нормой не было никогда: ненависть, замаскированную под заботу; дискриминацию, выдаваемую за безопасность; интеллектуальную недобросовестность, переодетую в ученую мантию.

И все же в этой истории есть нечто важнее утешения — ясность. Болезнь перестает быть всеильной в тот момент, когда ее перестают принимать за здоровье. Ложь теряет часть своей власти в тот момент, когда ее механизм описан. Страх слабеет, когда становится видна фабрика, которая его производила.

Впереди много работы. Нужно очищать язык от внедренной в него отравы. Нужно возвращать словам их смысл. Нужно заново учиться различать исследование и донос, экспертизу и агитку, пастырство и травлю, защиту общества и охоту на инакомыслящих. Нужно, наконец, возвращать достоинство тем, кого слишком долго описывали не как людей, а как материал для чужих фобий.

Я не питаю иллюзий. После этой папки мир не станет лучше сам собой. Архив не закрывается, дело не сдано в архив навсегда: история продолжается. Будут новые документы, новые имена, новые попытки выдать насилие за

добродетель. Но будет и другое: память, внимание, анализ, отказ соглашаться с привычным злом только потому, что оно давно стало привычным.

Моя работа закончена.

Работа над последствиями — только начинается.

Москва, декабрь 2025 года.

Доктор Н.